

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А. И. ГЕРЦЕНА

В. Е. Иллерицкий

Исторические взгляды великого русского революционера, пламенного патриота и выдающегося мыслителя Александра Ивановича Герцена (1812—1870) изучены ещё далеко не достаточно¹. Это существенный пробел в советской историографии. Без изучения исторических взглядов Герцена, «...сыгравшего великую роль в подготовке русской революции»², не может быть полностью раскрыт процесс развития революционной исторической мысли в России. Исчерпывающая политическая и научная оценка мировоззрения и деятельности Герцена дана в работе В. И. Ленина «Памяти Герцена». Гениальные ленинские указания являются основой для раскрытия исторической концепции А. И. Герцена.

Исторические взгляды Герцена являлись важной составной частью его мировоззрения. На протяжении своей сознательной жизни и революционной деятельности Герцен проявлял неослабевающий интерес к изучению истории. В передовой исторической науке, освещающей прошлое с революционных позиций, он видел сильное средство разоблачения реакционных теорий и обоснования прогрессивных политических воззрений. Важнейшей задачей такой науки Герцен считал раскрытие закономерностей общественного развития, познание которых должно было обеспечить историческое предвидение, столь необходимое в революционной борьбе. «Полнее сознавая прошедшее, — писал Герцен, — мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого, раскрываем смысл будущего; глядя назад, шагаем вперед»³.

Напряжённые искания великим русским демократом правильной революционной теории, глубина и содержательность его философской мысли, исключительно разносторонняя эрудиция определили самостоятельное исключение им важнейших исторических проблем и обусловили те значительные результаты, которых он достиг в освещении истории.

Развитие исторических взглядов Герцена протекало в органической связи с развитием его политических воззрений, под решающим воздействием последних. Почвой, на которой оформились и развились исторические взгляды Герцена, была русская действительность. Историческая кон-

¹ В обширной литературе о Герцене до последнего времени не было работ, посвящённых его историческим взглядам. Сравнительно недавно необходимость специального изучения исторических взглядов Герцена была отмечена в статье Б. П. Козьмина «Герцен в России» (сб. статей «А. И. Герцен». Гослитмузей, 1946). В книге Д. И. Чеснокова «Мировоззрение Герцена» одна из глав посвящена характеристике социологических воззрений Герцена. В 1952 г. в «Ученых записках» Московского университета (выпуск 156, труды кафедры истории СССР) была напечатана статья С. К. Бушуева «Исторические взгляды А. И. Герцена». К сожалению, эта статья имеет существенные недостатки. В ней рассматривается широкий круг вопросов, но многие из них, в том числе очень важные по своему значению, освещаются неполно (например, вопрос о понимании Герценом закономерностей истории, задач исторической науки, вопрос о развитии крепостнических отношений в России в освещении Герцена, оценка им реформ Петра I, движения декабристов). В статье не прослежен процесс развития исторических взглядов Герцена, не освещена публикаторская деятельность Герцена.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 9.

³ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, под редакцией М. К. Лемке. Т. III, стр. 177. В дальнейшем высказывания Герцена цитируются по этому изданию.

3. «Вопросы истории» № 10.

цепция Герцена складывалась в последние десятилетия перед ликвидацией крепостного строя — базиса феодального общества, — в период резкого обострения всех противоречий крепостнической системы. Усиление антикрепостнической борьбы крестьянства, нарастание демократического движения разночинцев, шедших на смену дворянским революционерам, революционная ситуация в стране в конце 50-х — начале 60-х годов, падение крепостного права — все эти процессы выдвигали перед Герценом задачу теоретического обоснования необходимости коренных социально-политических преобразований в России и определения перспектив её исторического развития, что требовало, в свою очередь, внимательного изучения опыта истории.

Интерес к истории пробудился у Герцена ещё в юности. Его основным источником явились крупнейшие события в истории России первой четверти XIX века. Воспоминания об Отечественной войне 1812 г. разбудили патриотизм Герцена, а страстное сочувствие идеям декабристов придало его патриотизму революционный характер.

В развитии исторических взглядов Герцена следует различать отдельные этапы, определявшиеся в своём содержании его идейно-политической эволюцией и выдвиганием новых задач перед русским освободительным движением.

В 20—30-х годах прошлого века Герцен формировался как политический деятель и мыслитель-революционер, выступавший наследником декабристов. Его исторические взгляды в этот период также находились в стадии формирования, закладывались основы его эрудиции в вопросах истории, намечался круг исторических проблем, определялся характер их истолкования. Важнейшую роль в формировании исторических взглядов Герцена сыграли освободительные идеи Радищева, декабристов, влияние передовой русской литературы и в особенности творчества великого русского поэта А. С. Пушкина.

Молодой Герцен критически осваивал русскую историческую литературу. Передовой журнал Н. А. Полевого «Московский Телеграф» (1825—1834) помогал Герцену быть в курсе новейших достижений западноевропейской историографии. В студенческие годы он изучал сочинения Сен-Симона, а также французских историков периода реставрации — Гизо, Минье, Тьерри, — отражавших в ту пору прогрессивный этап в развитии буржуазной историографии.

Но основное внимание Герцен уделял изучению истории России. Свидетельством преобладающего интереса молодого Герцена к отечественной истории является его первое историческое произведение — рукопись статьи «28 января», написанной в 1833 году. В этой статье Герцен впервые попытался подвести итоги своих размышлений над историей России и поставить вопрос об её отношении к истории других стран Европы.

Характерной особенностью исторических взглядов молодого Герцена являлась их многосторонность. Интерес к истории связывался у него с интересом к философии, к политическим учениям, к русской и зарубежной литературе. В этом находил своё раннее выражение энциклопедизм запросов Герцена, содействовавший углублению его исторических воззрений.

После окончания университета (1833) в годы ссылки Герцен изучал историю народов России, написал историко-этнографический очерк «Вотки и черемисы» (1837). Во Владимире Герцен, как редактор «Губернских Ведомостей» (1838), обнаружил интерес к местным историческим памятникам и письменным источникам⁴.

После возвращения из ссылки Герцен выступает зрелым политическим деятелем и мыслителем. Ссылка закалила его революционные убеждения.

⁴ См. А. И. Герцен. Соч. Т. II, стр. 184, 230, 241.

С начала 40-х годов открылся новый этап в политической деятельности и развитии мировоззрения Герцена. Он становится политическим соратником В. Г. Белинского — идейного вдохновителя молодой русской революционной демократии, выражавшей интересы закрепощенного крестьянства. Уже в тот период Герцен начал преодолевать ограниченность дворянской революционности и постепенно утверждаться на позициях революционного демократизма.

40-е годы XIX в. явились в России исходным этапом исканий правильной революционной теории⁵. Исключительная заслуга Белинского и Герцена заключается в том, что они начали поиски такой теории; развитие их мировоззрения протекало в напряжённой борьбе с представителями официально-монархической идеологии, а также со славянофилами и затем с «западниками» — представителями помещичье-буржуазного либерализма в России.

Поиски Герценом революционной теории нашли выражение в его философских работах «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы», написанных и опубликованных в 1842—1844 годах. В этих произведениях Герцен обнаружил также исключительную глубину исторической мысли. Замечательная оценка В. И. Лениным Герцена как выдающегося мыслителя, который «в крепостной России 40-х годов XIX века... сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени»⁶, характеризует все стороны его мировоззрения, в том числе исторические взгляды.

Разработка Герценом исторических проблем направлялась в 40-х годах главным образом против апологетов реакционной николаевской России (Погодина, Шевырёва), а также против славянофилов, извращённо толковавших вопрос о путях дальнейшего развития русского народа. Славянофилы выдвигали реакционную программу, рассчитанную на укрепление экономического и политического господства дворянства. Они стремились возродить общественные отношения «допетровской Руси», якобы основывавшиеся на началах мира и согласия между народом и властью, между крестьянами и помещиками, идеализировали патриархальную старину. Славянофилы отрицали исторический прогресс, выступали сторонниками айтинаучных теорий немецкого идеалиста Шеллинга; вслед за ним они сводили историческое развитие отдельных народов к раскрытию мистического «народного духа».

Герцен в противоположность славянофилам боролся за новую, демократическую Россию. Он отчётливо понимал, что Россия в его время находилась на переломном этапе своего исторического развития, когда выдвинулась необходимость ликвидации самодержавно-крепостнического строя. В соответствии с этим Герцен определял задачи исторической науки и освещал с революционных позиций важнейшие проблемы истории. Основную задачу исторической науки он видел в раскрытии прогрессивного хода истории, в определении закономерностей исторического процесса и установлении перспектив развития человечества, каждого народа в отдельности и в особенности путей прогрессивного развития русского народа. К числу существенных условий разрешения этих задач Герцен относил овладение историками философской теорией. «Где нет философии, как науки,— писал он,— там не может быть и твердой, последовательной философии истории, как бы ярки и блестящи ни были отдельные мнения, высказанные тем или другим»⁷. Философская теория, полагал Герцен, призвана избавить историка от простой фотографии исторических фактов, она должна направить его внимание на раскрытие внутреннего смысла событий прошлого, на обнаружение за разрозненными и случайными фактами исторической необходимости. Изучение прошлого с

⁵ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 9.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 9—10.

⁷ А. И. Герцен. Соч. Т. II, стр. 410.

позиций передовой для своего времени философской теории представляло, по мнению Герцена, не только важный теоретический интерес, но и практическую необходимость, потому что его объектом является «мир человеческий, мир истории, из которого двери отворяются прямо в деятельность, в собственное участие в современных вопросах»⁸. Такое изучение истории должно было правильно ориентировать революционных деятелей в политической борьбе.

Герцен в 40-х годах разработал теоретические основы своей исторической концепции. Он выдвинул и обосновал положение относительно объективного характера закономерностей исторического процесса и настойчиво пытался определить эти закономерности. Подчёркивая объективный характер закономерностей общественного развития, Герцен едко высмеивал субъективистов, которым «вся всемирная история кажется делом личных выдумок и странного сплетения случайностей... только эту... случайность и умеют разглядеть некоторые люди и рады, что во вселенной такой же беспорядок, как в их голове»⁹. Признание закономерности развития общества должно обязывать, полагал Герцен, к уяснению необходимости пройденных им этапов, ибо «человечество грубо не ошибается целыми эпохами»¹⁰, и вместе с тем оно обязывает понять неизбежность смены этих этапов. Закон прогрессивного, поступательного развития общества от низших стадий к высшим он считал одним из основных исторических законов.

Герцен не был в состоянии научно обосновать отмечавшиеся им закономерности исторического процесса. Но безусловным и важным достижением великого русского мыслителя-диалектика являлось признание им неодолимости прогрессивного развития общества. Прогресс общества, полагал Герцен, заключается в его непрестанном движении вперёд. «Что касается до движения... — утверждал он, — его не уймешь»¹¹. Боятся прогресса и цепляются за изжитые общественные формы только реакционеры.

Объективной основой неодолимого исторического прогресса Герцен считал борьбу противоположных начал, возникающего нового с отживающим старым, осуждённым историей на гибель. Он указывал, что отречение от старого во имя торжества нового отчётливо проявляет себя в истории человечества: «В какую обитель исторической жизни мы ни всмотримся, — увидим этот процесс»¹². Борьба между новым и старым является одной из важнейших закономерностей общественного развития. В общественной жизни своё наиболее отчётливое и яркое выражение она находит в революциях, в ходе которых осуществляется «открытое противодействие старому и водворение нового»¹³.

Выводы Герцена относительно прогрессивного характера общественного развития и его противоречивости были выдающимся достижением его творческой мысли, ярким доказательством плодотворности применения диалектики (понимаемой им как «алгебра революции») к познанию исторического процесса.

Свои теоретические достижения Герцен использовал для обоснования прогрессивных политических убеждений. Это позволило ему высоко подняться над отсталыми воззрениями русских и западноевропейских историков и социологов, выразителей интересов господствующих классов.

Славянофилы и либерально-буржуазные историки в России, Гегель и буржуазные социологи и историки в Западной Европе, рабы преклоняясь перед прошлым и настоящим, боялись исторического прогресса, обращавшегося против дворянско-монархического строя и начинавшего угрожать интересам буржуазии. В противоположность им Герцен был преисполнен

⁸ А. И. Герцен. Соч. Т. IV, стр. 377.

⁹ Там же, стр. 40.

¹⁰ А. И. Герцен. Соч. Т. III, стр. 186.

¹¹ А. И. Герцен. Соч. Т. V, стр. 438.

¹² А. И. Герцен. Соч. Т. III, стр. 193.

¹³ А. И. Герцен. Соч. Т. XVI, стр. 463.

непреклонной веры в грядущее, несшее освобождение угнетённым народным массам России и всех других стран. Убеждённость в неодолимости исторического прогресса являлась основой революционного исторического оптимизма Герцена.

Но при всей глубине разрешения исторических проблем, привлекавших внимание Герцена, в понимании истории он оставался идеалистом. Идеалистический характер исторических взглядов Герцена в 40-х годах нашёл своё выражение в трактовке им развития человечества как процесса духовного обогащения. В соответствии с этим он делил историю человечества на периоды, определявшиеся развитием мысли: классический, романтический, реалистический. Герцен пытался раскрыть содержание каждого периода, уяснить значение наиболее крупных событий в истории человечества. Такими событиями Герцен считал революционные преобразования в странах Западной Европы. Он упорно овладевал революционным опытом западноевропейских народов, стремясь вооружить им русское освободительное движение.

В дневнике Герцена за 1843—1845 гг. содержатся записи, ярко запечатлевшие его интерес к революционным периодам всеобщей истории. Он последовательно изучил «Историю английской революции» Гизо, «Историю контрреволюции в Англии» Армана Карреля, «Историю XVIII века» Шлоссера. Характерной особенностью записей Герцена в дневнике, где он фиксировал свои размышления по поводу прочитанных книг, является то, что его мысль неизменно возвращалась от европейских событий XVII—XVIII вв. к современному состоянию России. Герцен приветствовал сокрушение абсолютизма в Англии и Франции, делая отсюда вывод о необходимости уничтожения самодержавно-крепостнического строя в России, душившего творческие силы великого русского народа. Он решительно разоблачал защитников этого строя, как идеологов реакции, оправдывавших угнетение народных масс. «В Европе самодержавие было болезнью одного века... — записывал Герцен в дневнике, — у нас в заключение всей истории нашей... в XIX веке водрузили хоругвь, на которой просто и ясно говорится, что цель наша — слава эпохи самодержавия»¹⁴. Самодержавие в России, продолжал Герцен, «притеснительно во имя силы, ...во имя грубой материальной силы»¹⁵. Прочность самодержавных режимов коренилась, полагал Герцен, в монархических предрассудках масс, предрассудках, которые он называл «застарелой болезнью ума»¹⁶. Преодоление этой болезни он рассматривал как неперемное условие завоевания свободы угнетёнными.

Завершающим этапом в развитии мировоззрения Герцена, следовательно, и его исторических взглядов были годы заграничной революционной деятельности (1847—1870). Важнейшими вехами в развитии мировоззрения Герцена в этот период были: осмысление уроков революции 1848 г. в Западной Европе, которую он непосредственно наблюдал, и окончательный переход Герцена на позиции революционного демократизма в начале 60-х годов под влиянием событий, развернувшихся в России в период революционной ситуации 1859—1861 годов.

Наблюдая назревание революции и не понимая её буржуазной сущности, Герцен надеялся на то, что она сначала во Франции, а затем и в других странах Европы откроет эру социализма. В действительности же революция привела к торжеству буржуазного либерализма, ставшего с тех пор ненавистным для Герцена, к гнусной расправе буржуазии с рабочими в июне 1848 года. Поэтому Герцен разочаровался в возможности социалистических преобразований в Западной Европе, что привело его к той «духовной драме», сущность и объективную основу которой гениально

¹⁴ А. И. Герцен. Соч. Т. III, стр. 121.

¹⁵ Там же, стр. 122.

¹⁶ Там же, стр. 127.

раскрыл В. И. Ленин. «Духовная драма Герцена, — писал В. И. Ленин, — была порождением и отражением той всемирноисторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела»¹⁷.

Поражение революции 1848 г., однако, не привело Герцена к отказу от революционных и социалистических убеждений. В период революции он, будучи «демократом, революционером, социалистом»¹⁸, продолжал свои напряжённые поиски силы, способной приблизить установление социалистических отношений. Но эту силу Герцен ошибочно увидел в русской сельской общине и начал деятельно разрабатывать свою утопическую теорию «русского социализма», оказавшую значительное влияние и на его исторические воззрения.

Герцен оказался не в состоянии научно осмыслить уроки революции 1848 г., поскольку он не опирался на материалистическую теорию исторического процесса и не понимал всемирно-исторической роли пролетариата. Однако его исторические взгляды продолжали углубляться и развиваться в направлении к историческому материализму.

Исключительной силы достигает после революции 1848 г. критика Герценом буржуазных отношений. Глубокое понимание неодолимости исторического прогресса явилось основой его убеждения в преходящем характере буржуазных отношений в Западной Европе, оно вооружало великого революционера для решительной критики буржуазии, созданного ею эксплуататорского строя, её государственности, гнетущей народные массы, и её идеологии, оправдывающей это угнетение. Герцен беспощадно бичевал пороки буржуазии как господствующего класса. Он гневно разоблачал измышления идеологов этого класса о современном буржуазном строе как «абсолютной» и потому конечной форме общественного развития¹⁹.

Герцена не вводили в заблуждение славословия буржуазных либералов по адресу США как страны, которая будто бы избежала пороков, свойственных общественному строю европейских государств. Герцен гневно обличал либералов. «В Американских Штатах осуществилось всё, о чем либералы мечтали, — иронически писал он в 1859 г., — да, сверх того, такое развитие невольнического труда, его признания, его оправдания, о котором они и не мечтали... понятия так изменились в пользу рабства, что оно теперь возводится в одно из краеугольных оснований союза, в одно из неотъемлемых прав республики»²⁰.

В США, по убеждению Герцена, с наибольшей отчётливостью и в ещё большей мере, чем в западноевропейских государствах, обнажились пороки буржуазного общества, основанного на хищническом стяжании, соединённом с выгодными для буржуазии пережитками феодальных и рабских отношений. «До Северо- и Юго-Американских Штатов было рабство и крепостное состояние, неправая война и неправое стяжание, — писал Герцен в 1862 г., — но этот цинизм, эта наглость, эта преступная простота, это бесстыдное обнажение, — это ново и принадлежит Америке»²¹.

Герцен был глубоко убеждён в преходящем характере господства буржуазии и неминуемости гибели созданного ею строя. «Мир буржуазии, — отмечал он, — истощился так скоро и не имеет в себе более возможности обновления»²². Настойчиво стремясь определить пути радикального пре-

¹⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 10.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См. А. И. Герцен. Соч. Т. III, стр. 226—227.

²⁰ А. И. Герцен. Соч. Т. X, стр. 118.

²¹ А. И. Герцен. Соч. Т. XV, стр. 5.

²² А. И. Герцен. Соч. Т. V, стр. 428.

образования общественных отношений, гнетущих массы трудящихся, Герцен постепенно преодолевал свои либеральные иллюзии и, утверждаясь на позициях революционного демократизма, всё более глубоко осознавал необходимость насильственного, революционного уничтожения строя угнетения. Герцен убеждался в том, что «маленькие реформы и республики», «маленькие революции» совершенно недостаточны для радикального переустройства основ общественных отношений. Он ещё в 1851 г. утверждал в своём замечательном произведении «С того берега», что «человечество не пойдет узким и грязным проселком (по пути реформ.— В. И.),— ему надобно широкую дорогу. Для того, чтоб расчистить её, оно ничего не пожалеет»²³.

И впоследствии, даже в моменты отступлений от демократизма к либерализму, например, в 1857 г., когда Герцен в статье «Революция в России» заявлял, что от души предпочитает «путь мирного человеческого развития пути развития кровавого», он в той же статье, указав, что «нынешние государственные формы России никуда негодны», подчёркивал возможность революционного преобразования России. Герцен писал, что предпочитает «самое бурное и необузданное развитие застою николаевского status quo»²⁴. События, развернувшиеся в России: ограбление крестьян помещиками в результате реформы 1861 г., кровавая расправа с крестьянами, выступившими с протестом против этого ограбления, революционная деятельность Чернышевского и его соратников в годы революционной ситуации,— всё более убеждали Герцена в том, что наиболее радикальным и действенным способом ликвидации самодержавия и крепостничества является народная революция.

В народной революции он видел средство радикального преобразования и буржуазного строя в странах Западной Европы. Если там все предшествующие революции, заявлял Герцен, «делались для значительного (не по числу, а по правам) класса... массам до них дела не было»²⁵, то наступит время, когда на борьбу с утвердившимся господством буржуазии поднимутся политически созревшие угнетённые массы, и тогда невозможно будет спасти буржуазный строй от гибели «ни осадным положением, ни республикой, ни казнями, ни благотворениями, ни даже разделением полей»²⁶.

Великого русского демократа не останавливало сознание неизбежности кровавой борьбы между трудящимися и буржуазией: «...я не предвижу без страшнейшей кровавой борьбы,— писал он,— близкого падения мещанства и обновления старого государственного строя»²⁷. Интересы трудящихся, полагал Герцен, могут быть удовлетворены только в результате революционной борьбы: «Сколько социализм ни ходит около своего вопроса, у него нет другого разрешения, кроме лома и ружья»²⁸.

Герцен приветствовал возможность уничтожения буржуазного строя, полагая, что когда «погибнет мир, теснящий нового человека, мешающий ему жить, мешающий водвориться будущему»²⁹, человечество начнёт ускоренно развиваться к социализму. Конечно, представления о путях перехода к социализму и о самом социализме у Герцена были утопическими, но признание им революционной борьбы за утверждение социализма высоко поднимало его над западноевропейскими утопическими социалистами, страдавшими реформизмом. Герцен отмечал, что социалисты-утописты Западной Европы были преисполнены желанием общего

²³ Там же.

²⁴ А. И. Герцен. Соч. Т. IX, стр. 2.

²⁵ А. И. Герцен. Соч. Т. XI, стр. 366.

²⁶ А. И. Герцен. Соч. Т. V, стр. 426.

²⁷ А. И. Герцен. Соч. Т. VIII, стр. 488.

²⁸ А. И. Герцен. Соч. Т. X, стр. 117.

²⁹ А. И. Герцен. Соч. Т. V, стр. 417—418.

блага и вместе с тем «не знали, как навести мосты из всеобщности в действительную жизнь, из стремления в приложение»³⁰.

Признание Герценом неизбежности революционного уничтожения феодально-крепостнических и буржуазных отношений свидетельствовало о значительном углублении его политических и исторических воззрений. Преодолевая ограниченность дворянской революционности, Герцен глубже и последовательнее разрешал вопрос о роли народных масс в истории.

Герцен сознавал огромное значение деятельности народных масс в истории. Но в различные периоды своего идейно-политического развития он сосредоточивал внимание на разных сторонах этой проблемы. Первоначально Герцен недостаточно определённо подчёркивал её социальную основу, недостаточно чётко выделял угнетённые массы трудящихся из «общенационального единства». Эта особенность воззрений Герцена нашла своё выражение в его произведениях 30-х и 40-х годов. Однако и в этот период при истолковании роли отдельных народов в истории человечества Герцен направлял свои выводы против идеологов господствующих классов.

Герцен подчёркивал самостоятельность развития каждого народа. Он указывал, что историческое творчество народов совсем не подчинялось цели раскрытия различных сторон мистического «абсолютного» или «народного духа», как полагали Гегель и Шеллинг, буржуазные либералы и славянофилы. Герцен вопреки им решительно выступал против деления народов на «исторические» и «неисторические».

В 50—60-х годах XIX в. Герцен гневно ополчился против расистских «теорий» немецких и других шовинистов. «Нет народа, взошедшего в историю, которого можно было бы считать стадом животных,— отмечал он в 1851 году,— как нет народа, заслуживающего именоваться сонмом избранных»³¹. Раскрывая собственные воззрения по национальному вопросу, Герцен писал: «Мы выше зоологической щепетильности и очень безразличны к вопросу о расовой чистоте, что не мешает нам быть вполне славянами»³². Великий русский демократ всегда решительно выступал против третирования славян, как «низшей» расы. «Мы никогда не были ни националистами, ни панславистами,— заявлял он,—...но несправедливость к славянам всегда казалась нам возмутительной»³³. Вместе с тем Герцен критиковал космополитические извращения в области истории, подчёркивал необходимость всестороннего развития самостоятельной национальной культуры каждого народа.

Герцен был сторонником дружбы народов. Он призывал народы к братской взаимопомощи в борьбе с социальным и национальным угнетением. Ярким выражением этих убеждений Герцена явился его призыв к русскому народу о поддержке борьбы польского народа против царизма в 1863 году. Оказав искреннее содействие делу польского национального освобождения, Герцен, по словам В. И. Ленина, «спас честь русской демократии»³⁴.

По мере углубления революционно-демократических воззрений Герцена он всё более убеждался в том, что проповедь расизма и шовинизма являлась для господствующих классов средством борьбы с революционным движением. Герцен призывал народные массы отказаться от национальной вражды, разжигаемой господствующими классами, и направить свою энергию на социальное освобождение, на борьбу с угнетателями. В связи с этим Герцен в своих произведениях начиная с конца 40-х годов всё более

³⁰ Там же. стр. 521.

³¹ А. И. Герцен. Соч. Т. VI, стр. 442.

³² А. И. Герцен. Соч. Т. XX, стр. 71.

³³ А. И. Герцен. Соч. Т. XXI, стр. 81.

³⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 13.

настойчиво и определённо подчёркивал роль народных масс, трудящихся в историческом развитии как в настоящем, так и в прошлом, противопоставляя их угнетателям. Наибольшей чёткости и глубины в разрешении вопроса о роли народных масс в истории Герцен достигает под влиянием событий, развернувшихся в России в период революционной ситуации 1859—1861 годов.

С революционно-демократическим разрешением Герценом вопроса о роли народных масс как движущей силы истории была связана более глубокая разработка им другого важного вопроса — о роли личности в истории. В своих ранних произведениях Герцен допускал переоценку роли личности в истории. Более углублённое понимание роли народных масс в истории, критическое изучение дворянско-буржуазной историографии, отличавшейся крайними преувеличениями роли личности в истории, привели Герцена к более правильному решению этого вопроса. Он полагал, что «личность есть живая сила, могучее бродило, действие которого не всегда уничтожается даже смертью»³⁵, но вместе с тем всё более определённо подчёркивал зависимость деятельности великих людей от исторических условий. «Личность, — писал Герцен, — создаётся средой и событиями»³⁶. Он справедливо указывал, что «гениальные натуры почти всегда находятся, когда их нужно»³⁷.

Герцен осветил важнейшие исторические проблемы. В их решении он в конечном итоге приближался к выводам Белинского, Чернышевского и Добролюбова, обнаружив замечательную глубину, революционную и демократическую направленность своей исторической мысли. Герцен высказал также отдельные материалистические догадки в истолковании исторического процесса. Так, например, большое значение Герцен придавал вопросу о роли экономических интересов общества в историческом развитии. Ещё в начале 50-х годов он замечал: «Кто не видит, что вопрос о материальном благосостоянии составляет великую половину всех вопросов современности, тот вовсе не знает, что делается на свете»³⁸. Анализируя характер предшествующих революций, совершавшихся в интересах имущих классов и оставлявших народные массы в голоде и нищете, Герцен писал: «Все несчастье прошлых переворотов состояло именно в упущении экономической стороны, которая тогда еще не была настолько зрела, чтоб занять свое место. Тут — одна из причин, почему великие слова и идеи остались словами и идеями, и — что хуже всего, — страшно выговорить: надоели»³⁹.

Герцен всё более отчётливо сознавал смысл развёртывавшейся на его глазах борьбы пролетариев с буржуазией. Стремление пролетариев «вырвать у слепой случайности и у наследников насилия орудия труда и скопившиеся силы, привести ценность труда, обладание и обращение богатств к разумным началам»⁴⁰ он считал глубоко справедливым. Понятно поэтому, что Герцен, оказавшись свидетелем нового подъёма в борьбе между трудом и капиталом в 60-х годах прошлого века, в конце жизни «обратил свои взоры... к Интернационалу, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс»⁴¹. Это было закономерным итогом идейно-политического развития великого русского революционера. Он начал обретать веру в революционные силы пролетариев, хотя и не поднимался до понимания всемирно-исторической роли пролетариата, как могильщика капитализма и строителя социалистического общества. Герцен пришёл к выводу, что революция в будущем не сможет «шагу

³⁵ А. И. Герцен Соч. Т. VI, стр. 390.

³⁶ А. И. Герцен. Соч. Т. XXI, стр. 445.

³⁷ А. И. Герцен. Соч. Т. V, стр. 407.

³⁸ Там же, стр. 161.

³⁹ Там же, стр. 163.

⁴⁰ Там же, стр. 162.

⁴¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 11.

итти дальше... не касаясь экономического вопроса»⁴², не устранив нищеты трудящихся.

Убеждаясь в огромном значении экономических проблем в общественном развитии, Герцен выдвигал перед исторической наукой определённые требования. В противоположность старой историографии, обслуживавшей господствующие классы, которая толковала «о фасаде, о гербах, о заборах и сенах, о границах и церемониалах», новая историческая наука, обслуживающая народные массы, должна была «свести кровавые религиозные вопросы на человеческие и кровавые политические вопросы на экономические, — в этом вся задача современности»⁴³.

Однако гениальные материалистические догадки в истолковании исторического процесса не привели Герцена к последовательному пересмотру идеалистической системы его исторических взглядов, к обнаружению материальных основ исторического развития. Герцен остановился перед историческим материализмом. Научное, материалистическое истолкование истории было впервые дано идеологами революционного пролетариата К. Марксом и Ф. Энгельсом. Но и те высоты, которых достиг великий русский мыслитель-революционер в понимании исторического процесса, свидетельствовали о его огромном превосходстве над домарксовской социологией и историографией в России и в Западной Европе, о критической направленности его исторической мысли против идеологов господствующих классов. Замечательные достижения Герцена в раскрытии закономерностей и движущих сил исторического развития давали ему возможность пронизательно и глубоко анализировать конкретные исторические явления, события, деятельность выдающихся исторических личностей всеобщей и особенно отечественной истории, которой великий русский патриот всегда уделял преобладающее внимание.

В произведениях Герцена получил освещение широкий круг проблем истории России с древнейших времён до середины XIX века. Далёкий от академического подхода к отечественной истории, Герцен выделял и разрабатывал прежде всего те проблемы русской истории, освещение которых способствовало его революционной деятельности.

Оценка Герценом явлений, событий и деятелей русской истории сохранилась в многочисленных публицистических произведениях, в дневнике, в письмах. Вместе с тем перу Герцена принадлежат обобщающие произведения по истории России, прежде всего книга «О развитии революционных идей в России» (1851). Революционная публицистика Герцена была насыщена богатым историческим содержанием, в свою очередь, разработка им проблем истории России отличалась публицистической заострённостью.

Создав вольную русскую прессу, Герцен получил трибуну, с которой он открыто пропагандировал свои революционные убеждения, разоблачал реакционные теории, вёл беспощадную борьбу с самодержавием и крепостничеством. В этот период Герцен начал уделять особое внимание освещению тех проблем русской истории, которых не могли в легальной прессе касаться революционные демократы в России, и этим он особенно значительно содействовал обогащению революционно-демократической исторической концепции.

Наряду с освещением вопросов истории России в собственных произведениях Герцен осуществил первоначальную публикацию в изданиях Вольной русской типографии многих ценных источников по истории России XVIII — XIX вв., и в этом также состоит его важная заслуга перед русской исторической наукой.

⁴² А. И. Герцен. Соч. Т. XVIII, стр. 135—136.

⁴³ А. И. Герцен. Соч. Т. IX, стр. 522.

Произведения Герцена и его публикации исторических материалов, проникая в Россию, содействовали здесь утверждению и распространению революционных идей. Вместе с тем они знакомили демократическую общественность Западной Европы и славянских стран с историей народной, революционной России, пробуждали симпатию к ней и ненависть к правящим верхам. Герцен разоблачал также фальсификацию истории России враждебно настроенными к русскому народу представителями западноевропейской буржуазной историографии. Свой могучий ум, блестящее литературное дарование Герцен посвятил исполнению этих важных задач и сумел добиться замечательных результатов.

Своеобразие разработки Герценом проблем русской истории отличало его исторические взгляды от взглядов Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Процесс преодоления Герценом ограниченности дворянской революционности, а также теория «русского социализма» наложили свой отпечаток на его исторические воззрения. Теория «русского социализма» Герцена была по своему объективному содержанию, как указывал В. И. Ленин, выражением «революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения»⁴⁴. Но эта теория была утопичной и оказалась опровергнутой последующим развитием России. Теорию «русского социализма» впоследствии восприняли народники. Она определила неправильное истолкование Герценом ряда вопросов истории России.

Однако эти своеобразные черты воззрений Герцена не выводят его из круга представителей революционно-демократического направления в русской историографии. Герцена объединяло с ними общее понимание основных закономерностей исторического процесса и коренных проблем русской истории.

Историю России Герцен рассматривал как историю народа, а не самодержавно-помещичьего государства. В народных массах, а не в господствующих классах он видел подлинного творца истории. Герцен настойчиво подчёркивал исключительные трудности, которые преодолел русский народ в своём историческом развитии и в борьбе с которыми закалились и окрепли его силы, сложились отличительные национальные качества. Вместе с тем великий русский патриот рассматривал русскую историю в связи с историей других народов и подчёркивал выдающуюся роль русского народа в мировой истории.

Разработка Герценом проблем истории России органически связана с развитием его идейно-политических взглядов, в анализе этих проблем он зависел и от уровня конкретных исторических знаний в середине XIX века. При всём том исторические воззрения Герцена решительно отличались от воззрений представителей дворянско-буржуазной историографии.

Герцен выражал неудовлетворённость состоянием изучения русской истории в его время. Умея ценить заслуги крупнейших историков в накоплении новых материалов, расширявших фактическую основу русской историографии, он вместе с тем справедливо указывал на совершенно недостаточное изучение дворянскими и буржуазными историками источников, характеризующих жизнь народных масс. Герцен не менее справедливо упрекал этих историков в пристрастии к иностранным источникам, которые, как правило, тенденциозно освещали историю России, злобно искажали её. В отношении иностранных сочинений, посвящённых истории России, Герцен писал: «Нет недостатка в книгах о России, но большая их часть — политические памфлеты; они писались не для лучшего ознакомле-

⁴⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 12.

ния с этой страной... Цель их была пугать Европу и поучать ее картиною русского деспотизма»⁴⁵.

Однако важнейший недостаток дворянско-буржуазной историографии Герцен видел в порочности её методологических принципов. Он решительно осуждал «идею великой неограниченной монархии», которую Карамзин положил в основу своей «Истории государства Российского», и заявлял вслед за декабристами, что она представляет собою «идею великого порабощения»⁴⁶. Герцен выступал против представителей официальной историографии — М. П. Погодина и Н. Г. Устрялова, заметив по адресу последнего, что он писал свои учебники русской истории «по трафаретам министра Уварова и по мотивам Николая Павловича»⁴⁷. Крайне отрицательно относился Герцен и к искусственным, антинаучным построениям славянофилов. Он справедливо указывал на фальшивую идеализацию ими старины, на их стремление всему «отыскать отгадки в прошедшем»⁴⁸ и решительно отвергал реакционные устремления славянофилов: «Славянофильство, ожидавшее спасения России только при восстановлении византийско-московского строя, не освобождало, а только связывало; шло не вперед, а назад»⁴⁹. Герцен был хорошо знаком с работами буржуазных историков К. Д. Кавелина и С. М. Соловьёва и отмечал превосходство их воззрений над воззрениями представителей официальной дворянской историографии. Но ему была ясна политическая сущность их исторической концепции, в основе которой лежала апология государства и игнорирование народных масс как творческой силы истории. Революционно-демократическая трактовка проблем истории России направлялась Герценом против дворянско-буржуазной историографии.

В отличие от дворянских и буржуазных историков-норманистов Герцен не связывал начала русской истории с варяжским завоеванием. Он утверждал, что славяне задолго до этого завоевания имели свою славную историю и с древнейших времён выступали участниками крупнейших событий мировой истории. Ещё в рукописи статьи «28 января» Герцен отмечал, что древние славяне вместе с другими европейскими народами приходили «окончить насильственной смертью дряхлый Рим и терзать в агонии находившуюся Византию» и уже в те времена составляли органический элемент «живой части Европы»⁵⁰. Герцен не отвергал факта завоевания славянских земель варяжскими дружинами, которые он назвал «норманской сволочью»⁵¹, но не допускал переоценки значения деятельности варягов. По его мнению, «варяжские князья и их дружины, спустя несколько поколений, потеряли свои национальные черты и смешались со славянами»⁵², «стонули в славянском элементе»⁵³.

В оценке Герценом исторического развития русского народа до реформ Петра I содержались ошибочные суждения. В произведениях, написанных за границей, он пытался обосновать свою теорию «русского социализма» ссылкой на особый характер истории России сравнительно с историей стран Западной Европы. Так, Герцен утверждал, что древняя Русь якобы не знала разделения на классы. «...В древней России,— замечал он,— мы не встречаем никакого отдельного, привилегированного, обособленного класса»⁵⁴. Князь являлся «старейшиною большого чи-

⁴⁵ А. И. Герцен. Соч. Т. V, стр. 334.

⁴⁶ А. И. Герцен. Соч. Т. VI, стр. 345.

⁴⁷ А. И. Герцен. Соч. Т. X, стр. 377.

⁴⁸ А. И. Герцен. Соч. Т. III, стр. 309.

⁴⁹ А. И. Герцен. Соч. Т. VI, стр. 382.

⁵⁰ А. И. Герцен. Соч. Т. I, стр. 86—87.

⁵¹ А. И. Герцен. Соч. Т. III, стр. 77.

⁵² А. И. Герцен. Соч. Т. VI, стр. 312.

⁵³ А. И. Герцен. Соч. Т. I, стр. 87. Следует, однако, отметить, что Герцен в отличие от Чернышевского и Добролюбова не понимал политического значения норманского вопроса, ошибочно утверждая, что это вопрос «чисто исторический» (Соч. Т. VI, стр. 312, примечание).

⁵⁴ А. И. Герцен. Соч. Т. VI, стр. 313.

сла городов и деревень, которыми он управлял совместно с общими собраниями»⁵⁵. Единство Руси определялось, полагал Герцен, этнической и социальной однородностью населения и общинным строем славянских племён. Подчёркивая различие исторического развития России и Западной Европы, Герцен отступал от признания исторических закономерностей в качестве всеобщих.

Герцен с патриотической гордостью отмечал успехи в культурном развитии древней Руси. «Ничто не дает права предполагать, — писал Герцен, сравнивая древнерусское государство с западноевропейскими, — чтобы оно стояло ниже их до XIV столетия»⁵⁶. Высказывая эту мысль, Герцен далеко опередил современную ему дворянско-буржуазную историографию. Он предвосхитил вывод, правильность которого научно доказали советские историки.

Культурное развитие русского народа было задержано татарским завоеванием. «Татары пронесли над Россией, — писал Герцен, — как туча саранчи... они разорили города, сжигали деревни»⁵⁷. Русский народ оказался жертвой завоевателей вследствие княжеских междоусобиц, помешавших народным массам сплотиться для отпора хищному врагу. Оценивая тяжкие последствия татарского нашествия на Русь, Герцен указывал: «монгольское иго нанесло страшный удар стране; не раз повторявшиеся опустошения фактически истощили народ... С этого злосчастного времени, длившегося около двух столетий, Россия и позволила Европе обогнать себя»⁵⁸.

Но двухвековое жестокое иго татар не сломило боевого духа народа. В длительной и напряжённой борьбе с татарами героический русский народ добился освобождения. В ходе этой борьбы выросло единое русское государство, постепенно преодолевалась удельная раздробленность. Прогрессивность этого процесса подчёркивалась Герценом: «Необходимость централизации была очевидна: без нее нельзя было бы ни свергнуть монгольское иго, ни спасти единство государства»⁵⁹. Герцен видел выдающуюся заслугу московских князей в том, что они осознали необходимость единства русских земель: «Идея собирания всех частей государства была направляющей мыслью всех московских князей, начиная с Ивана Калиты»⁶⁰. Герцен подчёркивал роль Москвы, как центра собирания русских земель: «Около XIV столетия в России образуется средоточие, около которого тяготеют и кристаллизуются все разнородные части государства, это средоточие — Москва»⁶¹.

Характеризуя завершающий этап в объединении русских земель вокруг Москвы, Герцен отмечал большое историческое значение присоединения Новгорода с его обширными владениями к великому княжеству Московскому. Правда, он не был свободен от революционно-романтической идеализации новгородского общественного и государственного строя, полагая вслед за Радищевым и декабристами, что в Новгороде имело место народовластие⁶².

⁵⁵ Там же, стр. 314.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, стр. 316.

⁵⁸ Там же, стр. 316—317.

⁵⁹ Там же, стр. 318.

⁶⁰ Там же, стр. 317.

⁶¹ А. И. Герцен. Соч. Т. VIII, стр. 32.

⁶² Черты сходства в исторических воззрениях Радищева, декабристов и Герцена обнаружались и в понимании ими других вопросов русской истории: значения реформ Петра I, патриотической борьбы русского народа за национальную независимость. Однако в освещении ряда других важных вопросов истории России Герцен поднялся выше Радищева и декабристов, например, в признании прогрессивного значения деятельности московских князей, направленной на создание единого русского государства. В отличие от декабристов Герцен внимательно изучал массовые народные движения в истории России. См. Э. Виленская. Исторические взгляды А. Н. Радищева. «Вопросы истории» № 9 за 1949 г.; С. Волк. Исторические взгляды декабристов. «Вопросы истории» № 12 за 1950 год.

Указывая на необходимость объединения русских земель и создания мощного централизованного государства, Герцен раскрывал реакционное существо децентрализаторской политики боярства — «дерзкой аристократии», «крамольных бояр»⁶³, выступавших против Ивана Грозного, но обречённых на поражение.

Далёкий от недооценки прогрессивного характера политики московских князей и царей, направленной на объединение русских земель, Герцен, как и другие великие русские демократы, основную роль в истории отводил, однако, народным массам, деятельность которых давала возможность русскому государству выдерживать «все превратности с удивительной настойчивостью»⁶⁴. Стремление народных масс к единству являлось, по убеждению Герцена, решающим условием успешного объединения русских земель. Но он, как и Белинский, Чернышевский и Добролюбов, не раскрыл экономических основ процесса объединения русских земель в единое государство.

Творческая роль народных масс в истории выражалась, полагал Герцен, и в других сторонах национальной жизни — в непрестанной трудовой деятельности, в освоении новых территорий и связанном с этим расширении пределов государства, что умножало его материальные ресурсы, усиливало мощь России и укрепляло её международное значение.

Освоение новых территорий юга России и особенно Сибири, широко развернувшееся в XVI — XVII вв., было, по мнению Герцена, прежде всего результатом самостоятельного почина народных масс, которые действовали независимо от правительства, а иногда и вопреки ему. В освещении этого вопроса он выступал продолжателем традиций М. В. Ломоносова и А. Н. Радищева. Герцен с гордостью писал: «Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки в мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана...»⁶⁵.

Дворянско-буржуазная историография, игнорировавшая роль народных масс в истории, не оценила великого подвига русского народа в освоении колоссальных пространств Сибири, благодаря которому она приобрела возможность прогрессивного развития. Герцен с сожалением писал: «И такие колоссальные события едва помечены историей или помечены для того, чтобы паразитить воображение дантовским образом ледяного острога в несколько тысяч верст...»⁶⁶.

Выражение творческой роли народных масс в истории России Герцен видел и в деятельности казачества. Ему, как и другим революционерам-демократам, было глубоко чуждо третирирование казачества как «анархической» силы, бунтующей против «государственных начал», которое являлось типичным для буржуазных историков начиная с Соловьёва. В противоположность им Герцен указывал на выдающиеся заслуги казачества, которое стояло «бессменной стражей на крайних пределах отечества», охраняя его границы. Вместе с тем для Герцена казачество являлось носителем исконных национальных качеств русского народа. Казаки, особенно запорожские, — это «славянские витязи, витязи-мужики, странствующие рыцари черного народа»⁶⁷, выразители свободолобивых стремлений русского крестьянства. Однако Герцен не мог вскрыть социальных противоречий внутри казачества, рассматривая его как однородную в классовом отношении массу.

С наибольшей силой и отчётливостью творческая роль народных масс проявлялась, по мнению Герцена, в периоды борьбы за национальную

⁶³ А. И. Герцен. Соч. Т. I, стр. 88.

⁶⁴ А. И. Герцен. Соч. Т. XX, стр. 80.

⁶⁵ А. И. Герцен. Соч. Т. IX, стр. 458.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ А. И. Герцен. Соч. Т. VII, стр. 278.

независимость. Одним из таких периодов являлось время борьбы русского народа с польско-шведской интервенцией в начале XVII века.

Герцен с гордостью говорил о патриотическом порыве русского народа, проявленном в борьбе с агрессорами. Национально-освободительное движение не было организовано «сверху», правительством, а развернулось как результат народной инициативы. Поэтому Герцен писал: «Он (русский народ.—В. И.) дважды восстал, сильный и непобедимый,— в 1612 и 1812 годах»⁶⁸.

Герцен верно оценил роль Москвы как объединяющего центра в борьбе за национальную независимость, в частности в событиях начала XVII века. «Она является в истории на первом плане,— писал он,— когда беда грозит всему народу или уже разразилась... Татары ли одолеют Русь», в Москве «закипает мысль освобождения от варварского ига и растет и растет до Мамаева побоища.. Польша ли возьмет верх, Москва опять становится городом народным и кличет клич по всей Руси, и вся Русь встает на её выручку, льет свою лучшую кровь, тратит последний алтын»⁶⁹.

Герцен с горечью указывал, что русский народ, спасший государственную самостоятельность своей страны, остался попрежнему угнетённым. Отмечая выдающуюся роль вождей народного ополчения Минина и Пожарского, которые «спасли отечество», Герцен вслед за этим замечал: «но они спасли его только от иностранцев»⁷⁰. Народ, добившийся своей кровью победы над внешними врагами, «утомившийся от раздоров, от претендентов, от войны, от грабежа», оказался устранённым своими внутренними врагами — боярами и помещиками — от участия в политических судьбах страны: «устроены были поспешно выборы,— писал Герцен,— вне всякой законности; не обратившись к народу, провозгласили молодого Романова царем всей России»⁷¹.

Произошло резкое ухудшение положения народных масс в результате усиления крепостной зависимости крестьянства в течение XVII—XVIII веков. Возникновение крепостного права в России Герцен, как и все революционеры-демократы, ошибочно относил к царствованию Бориса Годунова, который отменил Юрьев день. В письме к сыну от 2 декабря 1858 г. Герцен дал оценку основных этапов в развитии крепостничества в России: «1. До Бориса Годунова — патриархальное отношение, основанное на обычаях, без письменных условий между помещиком и крестьянами, имевшими право переходить с места на место. Рабы тогда были холопы, военно-пленные и их потомки, а не крестьяне. 2. Прикрепление к земле при Борисе, ограничение перехода сначала Юрьевым днем, потом полное»⁷².

Герцен полагал, что крепостное право устанавливалось «рядом простых полицейских мер, захватами помещиков, владевших населенными землями, ... крестьяне из свободных, какими они были, становились все более и более крепкими и земле, неотделимою собственностью самой земли»⁷³. Герцен сумел, однако, раскрыть классовую заинтересованность помещиков в закреплении крестьян и зависимость крепостнической политики правительства от воли помещиков. «Царизм,— писал он,— сам основанный на неограниченной власти, должен был по необходимости покровительствовать покушениям помещиков»⁷⁴.

⁶⁸ Там же, стр. 230.

⁶⁹ А. И. Герцен. Соч. Т. XV, стр. 185.

⁷⁰ А. И. Герцен. Соч. Т. VI, стр. 322.

⁷¹ Там же.

⁷² А. И. Герцен. Соч. Т. IX, стр. 431. По смыслу формулировки Герцена можно предположить, что он приписывал Годунову установление Юрьева дня, но это, конечно, стилистическая погрешность.

⁷³ А. И. Герцен. Соч. Т. VI, стр. 323.

⁷⁴ Там же, стр. 324.

Не ограничиваясь указанием на время и причины установления крепостного права в России, Герцен дал характеристику последующих этапов развития и углубления крепостнических отношений в России: «3. От Бориса до Петра — увеличение помещичьей власти и возмущение крестьян, — Стенька Разин. 4. Петр ревизией формально закрепил крестьян за помещиками. 5. Помещики без всякого права стали продавать людей, брать во двор, заставлять работать всю неделю, но землю крестьянам все же давали. 6. Казаки и Малороссия отданы в крепость Екатерине II, — восстание Пугачева»⁷⁵.

Важно подчеркнуть, что Герцен, как и другие революционеры-демократы, видел в постепенном усилении крепостнических отношений, всё более отягощавших положение крестьянских масс, глубочайшую основу возраставшего крестьянского движения в стране на протяжении существования крепостничества. Он гневно обличал русскую и западно-европейскую дворянско-буржуазную историографию, представители которой либо замалчивали, либо фальсифицировали историю непрерывной героической борьбы русского крестьянства за освобождение. «Преданный, проданный, обманутый земледелец, — писал Герцен, — боролся целое столетие (XVII-ое), проливал свой пот, проливал свою кровь и упал, наконец, избитый и связанный во власть свирепой солдатчины и низкой бюрократии, которые — вместе с государем — работают в пользу дворянства. Эта трагическая борьба прошла незамеченной и непонятой на Западе; её оклеветали на родине. До сих пор изображают Стеньку Разина, Пугачёва разбойниками с большой дороги»⁷⁶.

В вольной русской прессе Герцен открыто выражал убеждения всех революционеров-демократов, видевших в народных движениях выражение стихийного протеста крестьянских масс против крепостничества и проявление могучих сил народа в борьбе с угнетателями.

Важным рубежом в истории России Герцен считал реформы Петра I. В книге «О развитии революционных идей в России» он разделял русскую историю на допетровский и послепетровский периоды. Последующим её рубежом Герцен считал Отечественную войну 1812 года.

С юных лет Герцен проявлял повышенный интерес к изучению петровских преобразований. В годы ссылки он задумал написать специальную работу о времени Петра I. К сожалению, намерение Герцена не осуществилось. Но в его произведениях содержится достаточно высказываний, которые дают возможность восстановить оценку, данную им реформам Петра I. На различных этапах своего идейно-политического развития Герцен сосредоточивал внимание на разных сторонах петровских преобразований. Если в начале 40-х годов, борясь со славянофилами, считавшими реформы Петра I вредными для России, Герцен уделял основное внимание оценке исторически прогрессивных особенностей реформы Петра I, то с середины 40-х годов он начал отмечать и ограниченность этих реформ.

Герцен не сомневался в прогрессивном значении реформ Петра I. Он полагал, что эти реформы значительно ускорили историческое развитие России сравнительно с предшествующим периодом. Преобразования Петра I всегда представлялись Герцену необходимой ломкой старых отношений. «Петровский период, — указывал он, — важен именно, как разрыв, как критика и отрицание»⁷⁷. Подчёркивая прогрессивность реформ

⁷⁵ А. И. Герцен. Соч. Т. IX, стр. 431—432. Герцен ошибается в своём указании на закрепощение казаков Украины как непосредственную причину восстания Пугачёва. Но он прав по существу, рассматривая время Екатерины II как период резкого усиления крепостнических отношений.

⁷⁶ А. И. Герцен. Соч. Т. IX, стр. 154.

⁷⁷ А. И. Герцен. Соч. Т. III, стр. 316.

Петра I, Герцен писал: «...мы считаем переворот этот необходимым, он разбудил Россию, он ее повел вперед»⁷⁸. Но Герцен недооценивал степень подготовленности преобразований Петра I предшествующим историческим развитием России. Первоначально ему как дворянскому революционеру была свойственна идеализация реформ Петра I и переоценка личной роли реформатора. Поэтому в произведениях Герцена, относящихся к 40—50-м годам, часто встречается определение деятельности Петра I как революционной. «К концу XVII века на престоле царей появился смелый революционер, одаренный обширным гением и непреклонной волей... это был деспот, по образцу комитета общественного спасения... первой эмансипированной личностью в России»⁷⁹.

В противоположность славянофилам, решительно отрицавшим историческую необходимость реформ Петра I, Герцен настойчиво защищал свою точку зрения относительно их прогрессивного значения. Опровергая измышления славянофилов, Герцен писал, что в результате реформ Петра I начинается «смелое государственное развитие, выступление на сцену Руси, как политической личности, и выступление личностей в народе; русская мысль приучается высказываться, является литература, является разномыслие, тревожат вопросы, народная поэзия вырастает из песен Кириши Данилова в Пушкина»⁸⁰. Герцен отмечает значительное усиление и внешнеполитического могущества России: произошло укрепление «огромного сплоченного государства, этого грозного единства, богатого силами, которые закалены в тяжелых и суровых испытаниях»⁸¹. Такое государство прочно обеспечивало русскому народу национальную независимость.

Однако, указывая на прогрессивные стороны в деятельности Петра I и на важное историческое значение осуществлённых им реформ, Герцен уже в середине 40-х годов, в самый разгар борьбы со славянофилами, в своих записях в дневнике отмечал и некоторые черты ограниченности преобразований Петра I.

Герцен понимал исторически обусловленную неизбежность осуществления реформ в России начала XVIII в. как реформ «сверху», проводившихся самодержавной властью. Но он сознавал и то, что подобное осуществление реформ предполагало их насильственный характер и связанную с этим тяжесть преобразований для народных масс. В записи в дневнике в 1844 г. Герцен гневно замечал: «...хочется произнести анафему на все эти громкие улучшения, о которых толкуют с Петра Великого и которые вносятся на конце штыка или привязаны к кнуту. Не надобно благодетелей, когда они даются с презрением и с целью задушить ими облагодетельствованных»⁸².

С течением времени критическое отношение Герцена к реформам Петра I всё более усиливалось, оно направлялось против слащавой идеализации этих реформ либерально-буржуазными историками (Кавелиным, Соловьёвым и др.), которые в преобразованиях Петра I видели исторический прообраз будущих реформ «сверху», призванных исключить революционную инициативу народных масс и утвердить в России буржуазные отношения. Критическое отношение к реформам Петра I особенно усиливается у Герцена с конца 50-х годов, являясь одним из проявлений углубления его революционно-демократических убеждений.

Герцен настойчиво указывал, что первой и основной задачей Петра I в его преобразованиях являлось укрепление самодержавного государства. Герцен писал в 1860 году, что для Петра I «государство было все, а человек — ничего; он начал нашу каторжную работу

⁷⁸ А. И. Герцен. Соч. Т. VII, стр. 281—282.

⁷⁹ А. И. Герцен. Соч. Т. VI, стр. 325, 326.

⁸⁰ А. И. Герцен. Соч. Т. V, стр. 123.

⁸¹ А. И. Герцен. Соч. Т. VIII, стр. 412.

⁸² А. И. Герцен. Соч. Т. III, стр. 315.

истории, продолжающуюся полтора века и достигнувшую колоссальных результатов»⁸³.

Но укрепление абсолютизма, или, как его определял Герцен, «военного деспотизма», являлось вместе с тем и укреплением позиций господствующего сословия — дворянства. Герцен приближался к пониманию социальной обусловленности политики Петра I, когда писал, что «с преступным легкомыслием он усилил права дворянства и еще крепче стянул цепь крепостничества»⁸⁴. Обратной стороной дворянской политики Петра I являлось угнетение народных масс. На основе этого угнетения, заявлял Герцен, утвердилась империя Петра I и были осуществлены его преобразования: «Империя Петра была установлена при помощи жестоких средств, посредством насилия, кнута и Сибири»⁸⁵. Пётр I, заставляя народные массы нести всю тяжесть преобразований, «хотел создать, — как глубоко замечал Герцен, — сильное государство с пассивным народом»⁸⁶.

Герцен, преодолевший свою прежнюю идеализацию преобразований Петра I, был далёк также и от желания видеть в них прообраз грядущего обновления социально-политического строя России. По мере радикализации его политических воззрений Герцен, подобно Чернышевскому и Добролюбову, вслед за Радищевым и Белинским связывал надежду на коренную ломку прогнивших феодально-крепостнических отношений с народной революцией.

Коренное отличие оценки реформ Петра I Герценом от оценок их буржуазными историками находило также своё выражение и в его отношении к нововведениям Петра I, заимствованным из Западной Европы. Отличавшиеся космополитизмом буржуазные историки высоко ценили Петра I за то, что по его почину в России начала утверждаться «европейская цивилизация», не видя отрицательных сторон этой «цивилизации».

В противоположность буржуазным либералам Герцен полагал, что Пётр I должен был переносить в Россию из других стран только лучшее. Отмечая, что «Петр был совершенно прав в стремлении выйти из неловких, тяжелых государственных форм московского царства»⁸⁷, Герцен вместе с тем указывал, что Пётр I оказался неспособным к критическому отношению к западноевропейской культуре: «Ненавидя все в старой России, хорошее и дурное, он подражал всему европейскому, дурному и хорошему. Половина иностранных форм, пересаженных им в Россию, была совершенно антипатична духу русского народа»⁸⁸.

Восприятие Петром I европейский начал зачастую сопровождалось, как указывал Герцен, неоправданным уничтожением начал национальных. «Петру I приходилось, — писал он, — создавать и казнить; в одной руке у него заступ, в другой топор. Он... разумеется, зря порубил хорошее рядом с дурным»⁸⁹. Он уничтожил и такие зародыши, «которые взошли и которых только не надо ни полоть, ни топтать, ни насиловать, предоставляя им самим рост и устраняя препятствия»⁹⁰.

Насильственное внедрение вредных для России иноземных начал особенно усилилось, как известно, при преемниках Петра I. Герцен указывал, что эта политика царского правительства находилась в прямом противоречии с интересами и отчётливо определившимся характером национального развития. Великий патриот настойчиво подчёркивал, что слепое подражание всегда было глубоко чуждо русскому народу, который на протяжении всей своей истории отличался ярко выраженной самостоя-

⁸³ А. И. Герцен. Соч. Т. X, стр. 247.

⁸⁴ А. И. Герцен. Соч. Т. V, стр. 350.

⁸⁵ А. И. Герцен. Соч. Т. VIII, стр. 412.

⁸⁶ А. И. Герцен. Соч. Т. XVII, стр. 221.

⁸⁷ А. И. Герцен. Соч. Т. X, стр. 91.

⁸⁸ А. И. Герцен. Соч. Т. V, стр. 349.

⁸⁹ А. И. Герцен. Соч. Т. IX, стр. 263.

⁹⁰ Там же

тельностью в культурном творчестве. Разоблачая клеветническую легенду о подражательности русского народа, Герцен писал в 1847 году: «Сколько ни декламировали о нашей подражательности, она вся сводится на готовность принять и усвоить формы, вовсе не теряя своего характера, усвоить их, потому что в них шире, лучше, удобнее может развиваться все то, что бродит в уме и в душе, что толчется там и требует выхода, обнаружения»⁹¹.

В своей оценке реформ Петра I Герцен не только высоко поднялся над уровнем современной ему дворянско-буржуазной историографии. Он внёс также ценнейший вклад в развитие революционной исторической мысли в России. Не связанный царской цензурой, Герцен разностороннее других революционеров-демократов осветил одну из основных проблем истории России.

Но преобладающее внимание Герцен уделял в своих произведениях событиям истории России, совершившимся после реформ Петра I. Он справедливо указывал, что история России XVIII—XIX вв. была в его время наименее изучена историками и наиболее искажена усилиями правительства. «Всякое правдивое сказание,— писал Герцен,— всякое живое слово, всякое современное свидетельство, относящееся к нашей истории за последние сто лет, чрезвычайно важно. Время это едва теперь начинает быть известным. ...История императоров — канцелярская тайна, она была сведена на дифирамб побед и на риторику подобострастия... правительство... открыто лжет в официальных рассказах и потом заставляет повторять свою ложь в учебниках»⁹².

Герцен считал дворянских и буржуазных историков менее всего способными разоблачать правительственную фальсификацию русской истории. Обличая преднамеренное «увлечение» стариной со стороны этих историков, Герцен писал: «...мы очень мало знаем наше XVIII столетие. Мы любим в истории восходить гораздо дальше. Мы из-за варягов, новгородцев, киевлян не видим вчерашнего дня; зубчатые кремлевские стены заслоняют нам плоские линии Петропавловской крепости»⁹³.

Считая своей первоочередной обязанностью освещение истории России XVIII—XIX вв., Герцен уделял значительное внимание публикации исторических источников. В «Полярной Звезде» (1855—1862) систематически печатались ценнейшие источники по истории освободительного движения и революционной общественной мысли в России: «Письмо Белинского к Гоголю», запрещённые в России стихотворения Пушкина, Рыльева, Лермонтова, произведения декабристов и многие другие материалы. Герцен впервые переиздал «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (1858). Он также впервые опубликовал сочинение М. Щербатова «О повреждении нравов в России» (1858), «Записки» Екатерины II и княгини Е. Р. Дашковой (1859), «Записки» сенатора И. В. Лопухина (1860), воспоминания некоторых декабристов. Все эти издания были снабжены предисловиями Герцена. Кроме того он издал два выпуска «Исторических сборников» (1859 и 1861), содержащих разнообразные материалы по истории России XVIII—XIX веков.

Наряду с публикацией источников Герцен в своих произведениях дал многостороннее освещение важнейших событий русской истории XVIII—XIX веков. Он преследовал при этом основную задачу — разоблачение фальсификации этого периода в официальных документах, исторических изданиях и сочинениях, обличение антинародной политики самодержавия. Вместе с тем Герцен внимательно проследил нарастание в России протеста против самодержавно-крепостнического строя со стороны народных масс и дворянских революционеров.

⁹¹ А. И. Герцен. Соч. Т. V, стр. 122.

⁹² А. И. Герцен. Соч. Т. X, стр. 376.

⁹³ А. И. Герцен. Соч. Т. VIII, стр. 430.

Давая общую характеристику истории России со времени Петра I до Отечественной войны 1812 г. включительно, Герцен писал, не удерживаясь от крайностей в своей оценке, что в этот период «все умственное и политическое движение сосредоточилось в дворянстве. История России со времени реформы Петра Великого, за исключением пугачевского эпизода и народного пробуждения в 1812 году, является историею лишь русского правительства и русского дворянства»⁹⁴. История царствующей фамилии Романовых характеризовалась Герценом как «уголовное дело, называемое русской историей от Петра I до Александра I»⁹⁵. Петербург в это время «видел только серальные перевороты, низвержения и празднования»⁹⁶. Что касается правительственной деятельности в течение «петербургского периода», как называл Герцен в истории России время, открытое реформами Петра I, то она представляла «классическую эпоху насильственных образователей и беспощадных цивилизаторов»⁹⁷.

Герцен настойчиво подчёркивал деспотический характер дворянско-чиновничьего государства в России, основанного на полном подавлении личности. «Чем сильнее становилось государство,— писал он,— тем слабее лицо. Европейские формы администрации и суда, военного и гражданского устройства развились у нас в какой-то чудовищный, безвыходный деспотизм»⁹⁸.

Но «насильственные образователи и беспощадные цивилизаторы» из дома Романовых не ограничивались заимствованием иностранных государственных форм для утверждения деспотизма в России. Они отдали «родную мать чужому вотчину в кабалу»⁹⁹, окружая себя, как указывал Герцен, иностранцами и остзейскими немецкими помещиками, с помощью которых им легче было проводить антинародную политику. Это было особенно характерно для ближайших десятилетий после смерти Петра I, когда, по словам Герцена, «на троне были немцы, около трона — немцы, полководцами — немцы, министрами иностранных дел — немцы»¹⁰⁰. Он гневно разоблачал утверждение о том, что «немецкая партия», представленная «разными Минихами, Остерманами, Биронами, Нессельродами, Клейнмихелями»¹⁰¹, была якобы проводником цивилизации в России. Эти немецкие наёмники и авантюристы, писал Герцен, «были далеки от изображения собою прогресса; без всякой связи со странюю, которую они не трудились изучать и презирали, как варварскую, высокомерные до наглости, они были самыми раболепными орудиями императорской власти»¹⁰².

Герцен решительно осуждал распространение вредоносного преклонения перед иностранщиной как в правящих сферах, так и в более широких кругах дворянства. Он указывал, что, в то время как немецкие авантюристы укрепляли своё политическое влияние, дворянское общество «продолжало спрягать французские глаголы и обогащать русский язык галлицизмами»¹⁰³. Герцен с горечью отмечал, что космополитические, антинациональные увлечения иностранщиной в среде дворянства сохранились и в середине XIX века. В 1842 г. он писал, что «в Москве до сих пор принимают всякого иностранца за великого человека, в Петербурге — каждого великого человека за иностранца»¹⁰⁴. Русские дворяне, заявлял позднее Герцен, смотрели «на европейцев и Европу в том роде, как провинциалы смотрят на столичных жителей,— с подобострастием и чувством

⁹⁴ А. И. Герцен. Соч. Т. VI, стр. 330.

⁹⁵ А. И. Герцен. Соч. Т. IX, стр. 264.

⁹⁶ А. И. Герцен. Соч. Т. III, стр. 15.

⁹⁷ А. И. Герцен. Соч. Т. X, стр. 124.

⁹⁸ А. И. Герцен. Соч. Т. V, стр. 389.

⁹⁹ А. И. Герцен. Соч. Т. XV, стр. 163.

¹⁰⁰ А. И. Герцен. Соч. Т. X, стр. 94.

¹⁰¹ А. И. Герцен. Соч. Т. XVI, стр. 198.

¹⁰² А. И. Герцен. Соч. Т. VI, стр. 333.

¹⁰³ А. И. Герцен. Соч. Т. X, стр. 95.

¹⁰⁴ А. И. Герцен. Соч. Т. III, стр. 13.

собственной вины, принимая каждую разницу за недостаток, краснея своих особенностей, скрывая их, подчиняясь и подражая»¹⁰⁵.

Великий русский патриот был решительным противником космополитизма. «Считаем космополитизм, — писал он, — еще большей глупостью, чем исключительный индивидуализм»¹⁰⁶. Вместе с Белинским он развернул решительную борьбу против буржуазных либералов-западников, выступавших носителями космополитических воззрений.

Герцен дал содержательную оценку событиям времени царствования Екатерины II. Вслед за Пушкиным и декабристами он разоблачал то лживое восхваление её личности и деятельности, которым была пронизана официальная историческая литература. Герцен разоблачал демагогический характер внутренней политики Екатерины II, её игру в либерализм с целью упрочения абсолютизма. Говоря об учреждениях и законодательных нововведениях Екатерины II, Герцен писал: «Никто серьёзно не вглядывался в их эксцентрический характер, в них было странное соединение демократизма и аристократизма, деспотизма и представительства, Иоанна Грозного и Монтескье»¹⁰⁷.

С течением времени игра в либерализм стала представляться Екатерине II вредной для прочности её самодержавной власти. Герцен метко указал причины, которые привели императрицу к отказу от этой игры: «После раздела Польши и «ужасных» новостей, пришедших из революционной Франции, пугавших Екатерину II, она откровенно отбросила всякую маску либерализма и явилась, наконец, тем, чем она была на самом деле: старой Мессалиной без сердца, Лукрецией Борджиа с немецкой лимфой в жилах»¹⁰⁸.

Оценивая итоги внутренней и внешней политики Екатерины II, Герцен писал, что она, как и Пётр I, пожертвовала «всем и, прежде всего, счастьем народа, чтоб создать русскую империю, чтобы организовать сильное государство и сделать его европейским»¹⁰⁹. Сильная империя держалась на страданиях миллионных народных масс, отданных в беспросветную кабалу дворянству — надёжной опоре императорской власти. В результате сложилась противоположность между двумя Россиями — Россией самодержавно-помещичьей, господствующей, с одной стороны, и Россией народной, крестьянской, угнетённой — с другой. «Это — две России, — писал Герцен в 1860 г., — из которых одна — не народ, а только правительство, а другая — народ, но вытолкнутый вне закона и отданный в работу»¹¹⁰. Ничего не было общего между шляхетской Русью и Русью крестьянской, заявлял Герцен, — «с одной стороны грабеж и презрение, с другой — страдание и недоверие. С одной стороны ливрейный лакей, гордый своим общественным положением и надменно показывающий это; с другой — обобранный мужик, ненавидящий его и скрывающий это»¹¹¹.

Герцен не только настойчиво вскрывал полную противоположность и вражду между Россией господствующей и Россией угнетённой, но и указывал на непрестанную борьбу между ними, то вспыскивающую в периоды широких народных движений, то затихающую, глухую, но всегда таящую в себе опасность для господствующего сословия и его правительства. Он с глубоким сочувствием писал о борьбе крестьянских масс: «С ужасом и отвращением смотрит народ на изменников (помещиков. — В. И.), но сила с их стороны, и как он ни стонет, и как ни восстает, — ревизии и рек-

¹⁰⁵ А. И. Герцен. Соч. Т. XII, стр. 115.

¹⁰⁶ А. И. Герцен. Соч. Т. VIII, стр. 88.

¹⁰⁷ Там же, стр. 50.

¹⁰⁸ А. И. Герцен. Соч. Т. IX, стр. 207.

¹⁰⁹ Там же, стр. 206.

¹¹⁰ А. И. Герцен. Соч. Т. X, стр. 252.

¹¹¹ Там же, стр. 415.

рутчины, баршины и оброки, кнут и розги идут своим чередом. Он роптал, делал опыты частных восстаний»¹¹².

Из всех крестьянских восстаний в истории России Герцен выделял как наиболее мощные восстания под руководством С. Т. Разина и Е. И. Пугачёва. Причины крестьянского движения под предводительством Пугачёва он видел в резком усилении крепостного гнёта и в территориальном распространении крепостнических отношений, стяготивших при Екатерине II новые миллионы крестьян. Подчёркивая антикрепостнический характер восстания Пугачёва, Герцен указывал, что оно представляло собой «усилие казака и крепостного освободиться от жестокого ига, которое давило их с каждым днем сильнее». В связи с этим он сделал пронизательное замечание: «Имя Петра III послужило только предлогом; одно оно не могло бы поднять несколько губерний»¹¹³.

Герцен отмечал огромный размах крестьянского восстания под руководством Пугачёва. Он писал: Пугачёв, «назвав себя Петром III, встал во главе взбунтовавшихся казаков. Шесть губерний вышли к нему навстречу, соединились с ним»¹¹⁴. В присоединившихся к Пугачёву губерниях он был «полным властителем... в продолжение нескольких месяцев»¹¹⁵. Герцен отмечал также участие в восстании Пугачёва угнетённых народностей¹¹⁶.

Внимание Герцена к крестьянским движениям ярко раскрывает революционно-демократический характер его исторических воззрений, их принципиальное отличие от взглядов официальных дворянских и буржуазных историков, игнорировавших изучение народных движений. Освещая эти движения, Герцен восполнял одну из тех сторон революционно-демократической исторической концепции, которая почти не могла разрабатываться в условиях цензурных преследований в царской России.

Герцен дал оценку и выступлению первого русского революционера А. Н. Радищева, открыто и решительно осудившего крепостнический гнёт и самодержавный произвол. Раскрывая истоки революционного протеста Радищева, Герцен писал: «Как только сознание пробудилось, человек с отвращением увидал окружавшую его гнусную жизнь: никакой независимости, никакой личной безопасности... Жаловаться, протестовать — невозможно! Радищев пробовал, было. Он написал серьёзную, печальную, полную слез книгу. Он осмелился поднять голос в защиту несчастных крепостных. Екатерина II сослала его в Сибирь, сказав, что он опаснее Пугачёва»¹¹⁷. Таким образом, Герцен со всей силой подчеркнул, что основным источником революционных воззрений Радищева были социальные противоречия русской действительности и его протест являлся защитой интересов угнетённого крестьянства.

Герцен рассматривал Радищева как провозвестника революционной России, как её первого мужественного представителя, предшественника декабристов. Себя Герцен считал преемником Радищева в борьбе с самодержавием и крепостничеством. Идеалы Радищева — «это наши мечты, мечты декабристов... И что бы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в «Думах» Рылеева, и в собственном нашем сердце»¹¹⁸.

Во времена Радищева у революционных элементов в России ещё не было «ни общности действия, ни последовательности, ни сплоченности сил, ни организации»¹¹⁹. Поэтому самодержавному правительству удалось не допустить распространения революционных идей Радищева, как ранее

¹¹² А. И. Герцен. Соч. Т. XV, стр. 164.

¹¹³ А. И. Герцен. Соч. Т. V, стр. 354.

¹¹⁴ А. И. Герцен. Соч. Т. VIII, стр. 87.

¹¹⁵ Там же, стр. 55.

¹¹⁶ См. А. И. Герцен. Соч. Т. XVII, стр. 89.

¹¹⁷ Там же, стр. 223.

¹¹⁸ А. И. Герцен. Соч. Т. IX, стр. 271.

¹¹⁹ А. И. Герцен. Соч. Т. XX, стр. 215

ему удалось подавить стихийное крестьянское движение, руководимое Пугачёвым.

Характеризуя царствование Павла I, Герцен рисует мрачную картину состояния России в этот период: «Дворец превращается в смиренный дом, везде бьют палкой, бьют кнутом, тройки летят в Сибирь, император марширует... Все безумно, бесчеловечно, неблагоприятно; народ попрежнему оттерт, смят, ограблен, дикое своеволие наверху... рабство, дисциплина, молчание, рунд и высочайшие приказы»¹²⁰. Указав, что произвол Павла I был порождением принципа деспотического насилия, лежавшего в основе самодержавно-крепостной системы, Герцен отметил и особенности эпохи, усугублявшие неистовства этого деспота. «Пунктом помешательства у Павла I,— писал он,— была ненависть к революции и боязнь, как бы её принципы не проникли в его империю. Во время его царствования ум замер, мысль была парализована»¹²¹.

Многостороннее освещение событий русской истории XVIII в. дополнялось у Герцена указанием на возраставший международный авторитет России, который явился результатом её победоносных войн — участия в Семилетней войне, побед над Турцией и в конце века — над Францией. Характеризуя конец XVIII в. как время возникновения тех европейских противоречий, которые со всей силой проявились в начале XIX в., он высоко оценил победы Суворова над французами в Италии: «Суворов на Альпах, под Требией и Нови, завязывает ту борьбу, которая привела всю континентальную Европу в Кремль, а нашу армию — в Париж»¹²².

Герцен разносторонне осветил крупнейшие события русской истории первой четверти XIX века. Этот период являлся для него кануном современности, когда он сам выступал непосредственным участником и свидетелем исторических событий.

Из событий начала XIX в. Герцен выделял Отечественную войну 1812 года. Он придавал этой войне важнейшее значение, полагая, что она является знаменательным рубежом не только в истории России, но и в истории всей Европы. Он писал, что «с 1812 года начинается наша новая история, и кончается старая история Запада»¹²³.

Герцен видел причину Отечественной войны 1812 г. в завоевательной политике Наполеона, стремившегося к мировому господству. Он решительно осуждал эту политику, указывая, что она закономерно привела к гибели самих захватчиков и к падению империи Наполеона. «Сумасбродная эпоха нелепых войн,— писал Герцен,— которую французы и до сих пор называют временем своей славы, окончилась вместе с их нашествием в Россию... Бонапарту благоугодно было явить себя миру стоящим на груде трупов. К славе пирамид он захотел присоединить славу Москвы и Кремля. На этот раз он не имел успеха; он поднял против себя целый народ, который решительно схватился за оружие, перешел за ним следом через Европу и взял Париж»¹²⁴.

Войну 1812 г. Герцен считал для русского народа глубоко справедливой войной за сохранение национальной независимости, войной отечественной, в которой ярко проявилась активная, творческая роль народных масс в истории, властно вмешавшихся в критические для родины периоды в разрешение политических вопросов. «Народ русский,— писал Герцен,— мрачно молчавший столетия в своей невзгоде... в 1812 году, испугавшись за целостность земли русской... превратился в ополчение»¹²⁵. Отечественная война 1812 г. продемонстрировала могущество сил вели-

¹²⁰ А. И. Герцен. Соч. Т. IX, стр. 274.

¹²¹ А. И. Герцен. Соч. Т. XX, стр. 215.

¹²² А. И. Герцен. Соч. Т. IX, стр. 274.

¹²³ А. И. Герцен. Соч. Т. XVII, стр. 414.

¹²⁴ А. И. Герцен. Соч. Т. V, стр. 336.

¹²⁵ А. И. Герцен. Соч. Т. XV, стр. 518.

кого русского народа, самоотверженность народных масс, поднявшихся на борьбу за свои национальные интересы: «Народ, забытый даже в это время всеобщего несчастья или же слишком презираемый, чтобы просили у него крови, которую считали в праве проливать без его согласия,— народ поднялся массами, не дожидаясь призыва в своём деле... победитель Кремля начал свое отступление, которое должно было остановиться только на св. Елене»¹²⁶.

Герцен многократно отмечал, что и в событиях 1812 г. ведущая роль в сплочении народных сил для отпора наглому врагу принадлежала Москве. Ещё в юношеском письме его читаем: «Москва всегда становится в уровень с обстоятельствами, когда над Россией гремит гроза, как в 1612 и 1812 гг.»¹²⁷.

Подчёркивая героизм и самопожертвование русского народа, с огромным воодушевлением поднявшегося на борьбу с захватчиками, великий русский демократ с горечью указывал, что господствующее сословие дворян оставило победоносный народ в крепостническом угнетении. «Крестьянин-солдат, — писал Герцен, — взявший оружие в руки в 1812 г., вернулся покрытый рубцами после героической борьбы с чужеземцем к той же позорной цепи рабства»¹²⁸. После войны для русского крестьянина ничего не изменилось: «...ему не дали никакой волиности в награду за победу, купленную его кровью. Чтобы вознаградить мужика, Александр подготавливал чудовищный проект военных поселений»¹²⁹.

Отечественная война 1812 г. имела всемирно-историческое значение. Она ярко показала могучее воздействие русского народа на исторические судьбы народов всей Европы, позволив им вернуть национальную независимость. Герцен с гневом напоминал об этом представителям господствующих классов стран Западной Европы, ненавидевшим Россию и пытавшимся принизить или вообще отрицать роль русского народа в мировой истории. По адресу этих злопыхателей Герцен писал: «Все то, что ставится так дорого другим народам, России не было зачтено ни во что или, хуже, послужило ей же в обвинение: ни то, что она уцелела под татарским игом, ни то, что втихомолку выросла и сложилась в огромное государство, отбившееся от всех соседей и сохранившее свою самостоятельность; ни ее 1612, ни ее 1812 год»¹³⁰.

Крупнейшее историческое значение Отечественной войны 1812 г. Герцен усматривал не только в спасении национальной независимости русского народа и освобождении народов Европы от ига Наполеона, но и в том, что эта война породила в России освободительное движение против самодержавия и крепостничества. Национальный подъём, сопровождавший победоносную Отечественную войну 1812 г., пробуждение политического самосознания у передовых представителей русского общества, пришедшие в резкое противоречие с усилением крепостнической реакции в стране, явились, по убеждению Герцена, источниками движения декабристов.

Герцен и его единомышленник Н. П. Огарёв в заграничный период их деятельности получили возможность систематически освещать историю революционного движения в России XIX в., зачинателями которого они считали декабристов. Учитывая невозможность разработки истории декабристского движения в России, Герцен считал своим политическим и моральным долгом правдиво осветить это движение и выступил зачинателем его изучения.

Подвергая беспощадному разоблачению лживую книгу барона Корфа, оклеветавшего декабристов, Герцен писал в 1858 г.: «Перед книгой баро-

¹²⁶ А. И. Герцен. Соч. Т. VI, стр. 346.

¹²⁷ А. И. Герцен. Соч. Т. I, стр. 61.

¹²⁸ А. И. Герцен. Соч. Т. IX, стр. 155.

¹²⁹ А. И. Герцен. Соч. Т. VI, стр. 347.

¹³⁰ А. И. Герцен. Соч. Т. IX, стр. 457.

на Корфа мы не могли, не должны были молчать. Кому же и поднять голос за великих предшественников наших, как не нам русским, покинувшим наше отечество для того, чтоб раздавалось хоть где-нибудь свободное русское слово? Тем больше, что мы от них считаем наше духовное рождение, что их голос разбудил нас к жизни и их пример поддержал через все существование наше»¹³².

Если многих исторических тем Герцен касался в своих экскурсах, содержащихся в его публицистических и иных трудах, то истории декабристского движения он посвятил ряд специальных произведений. Важнейшими из них являются: книга «14 декабря и император Николай» (1858), написанная Герценом совместно с Огарёвым, сокращённое изложение этой книги в статье «Русский заговор 1825 года» (1858), «Исторические очерки о героях 1825 г. и их предшественниках по их мемуарам» (1868), «Кондратий Рылеев и Николай Бестужев» (1868) и ряд статей, заметок и некрологов.

Серьёзной заслугой Герцена являлась первоначальная публикация ценнейших источников по истории декабристского движения. Им были изданы в 1862 и 1863 гг. три выпуска «Записок декабристов», в которых напечатаны воспоминания И. Д. Якушкина, С. П. Трубецкого, И. И. Пушкина, разбор донесений тайной следственной комиссии в 1826 г., написанный Никитой Муравьёвым и Луниным, и некоторые другие материалы. Публикации первоисточников по истории движения декабристов Герцен придавал первостепенное значение. Эти источники он считал основой правдивого повествования о героическом подвиге декабристов, повествования, разоблачающего злостные извращения их врагов. Герцен писал по поводу предпринятого им издания «Записок декабристов»: «Наконец-то, выйдут из могил великие тени первых сподвижников русского освобождения, и большинство, знавшее их по Блудову и по Корфу, узнает их из их собственных слов»¹³³.

Издание сочинений и источников по истории декабристского движения Герцен рассматривал как акт борьбы с русским самодержавием — палачом декабристов, — как акт разоблачения его антинародной политики и реакционной идеологии. Вместе с тем обращение к истории декабризма Герцен использовал для извлечения необходимых уроков из этого движения и для пропаганды своих собственных политических убеждений.

Герцен стремился к наиболее полному освещению событий, связанных с движением декабристов. Но многое осталось ему неизвестным, и потому воссоздать полной картины этого движения Герцен не мог. Неполнота материалов и отсутствие подлинно научной основы в воззрениях Герцена привели его к некоторым необоснованным суждениям и выводам и к отдельным фактическим ошибкам. Но для своего времени именно Герцен, имевший возможность изучить по истории декабризма наиболее обширные материалы, в том числе секретные, был самым осведомлённым её знатоком.

Рассматривая вопрос об исторических истоках декабризма, Герцен, хотя и не понимал социально-экономической основы движения, проницательно отметил, что они коренились в условиях русской действительности первой четверти XIX века.

Герцен указывал на Отечественную войну 1812 г. как на исходный момент возникновения декабристского движения, справедливо подчеркнув огромное значение патриотического подъёма во время Отечественной войны 1812 г. для формирования идеологии декабристов. «Четырнадцатого декабря, — заявлял он, — родилось... в минуту одушевления... Мысль русского освобождения явилась на свет в тот день, когда русский солдат,

¹³² Там же, стр. 108.

¹³³ А. И. Герцен. Соч. Т. XV, стр. 462.

усталый после боев и длинных походов, бросился, наконец, отдохнуть в Елисейских полях»¹³⁴.

Прогрессивно настроенная дворянская молодёжь горела патриотическим стремлением к освобождению отечества не только от иноземного нашествия, но и от самодержавного деспотизма и крепостничества. Характеризуя настроения будущих декабристов, Герцен писал: «Люди эти были прямым ответом на тоску, мучившую новое поколение. «Ну, вот мы сильны, победили Европу, сажаем царей, чертим границы, — что же от этого лучше? Узкие рамы жизни, вымеренные по военному артикулу, теснят. Мы освободили мир, а сами остались рабами, управляемыми какой-то кордегардией в грановитной палате, какой-то немецкой канцелярией с татарским кнутом в руках! Внизу, вверху, все неволя, рабство, грубая, дерзкая сила, безправие, ни суда, ни голоса»¹³⁵.

Жесточайший аракчеевский режим скоро убедил тех из будущих декабристов, которые первоначально надеялись на осуществление реформ Александром I, что ждать от него преобразований нет никаких оснований. «Они догадались, — писал Герцен, — что Александр дальше двух — трех либеральных фраз не пойдет., они поняли, что спасение для народа не может выйти из той же комнаты, из которой вышли военные поселения»¹³⁶.

Реакционная политика Александра I породила острое недовольство; наиболее энергичные деятели решили им воспользоваться. «Они задумали тайное общество, — писал Герцен, — которое должно было заняться политическим воспитанием молодого поколения, распространять идеи свободы и разработать сложный вопрос радикальной и полной реформы русского правительства»¹³⁷.

Герцен даже преувеличивал силу и размах движения декабристов. «Громадный заговор охватил всю образованную Россию... — писал он. — Дворцы Петербурга, салоны Москвы, главные штабы, канцелярии, даже школы были полны посвященных в тайну заговора или, по меньшей мере, сочувствующих ему»¹³⁸. Он указывал, что движение декабристов охватило лучших, наиболее передовых и талантливых людей России; декабристские идеи распространялись в литературе и в среде молодого поколения. Декабристы — «люди образованные, энергичные и чистые, — писал Герцен, — господствовали над частью аристократии, а посредством находившейся в их руках литературы — над всем молодым поколением»¹³⁹.

Раскрывая глубокие корни, историческую закономерность и широкое распространение движения декабристов, Герцен полностью разрушал фальсификацию Блудова, Корфа и других реакционеров, пытавшихся представить декабристов в виде какой-то ничтожной «кучки злодеев», бесильных «мятежников», «сумасбродных» одиночек.

Герцен отчётливо понимал основные цели декабристов — уничтожение самодержавия и крепостничества в России — и глубоко им сочувствовал. Он справедливо полагал, что наиболее решительной декабристской организацией, настойчиво и последовательно стремившейся к реализации этих целей, было Южное общество во главе с П. И. Пестелем. Руководители Южного общества «вырабатывали революционную диктатуру, — указывал Герцен, — которая должна была организовать республиканские формы»¹⁴⁰.

Герцен с полным основанием выделял Пестеля как самого замечательного деятеля декабристского движения и его «Русскую Правду» считал наиболее радикальной политической программой декабристов. После того, как Пестель вступил в общество декабристов, он, утверждал Герцен,

¹³⁴ А. И. Герцен. Соч. Т. VIII, стр. 170.

¹³⁵ А. И. Герцен. Соч. Т. IX, стр. 28.

¹³⁶ А. И. Герцен. Соч. Т. XV, стр. 176.

¹³⁷ А. И. Герцен. Соч. Т. VI, стр. 348.

¹³⁸ А. И. Герцен. Соч. Т. VII, стр. 231.

¹³⁹ А. И. Герцен. Соч. Т. XXII, стр. 102.

¹⁴⁰ А. И. Герцен. Соч. Т. VI, стр. 351.

«стал его центром, его душой... его крупная фигура господствует над всем заговором, она велика даже в ядовитых рассказах следственной комиссии»¹⁴¹. Южное общество, возглавляемое Пестелем, «с самого начала... приняло характер решительный и революционный»¹⁴². Своим радикализмом оно отличалось от Северного общества. Но в оценке расхождений между Южным и Северным обществами Герцен не удержался от крайностей. По его мнению, Пестель, понимая «революцию совершенно иначе, чем его петербургские друзья... прямо идет к цели, к полному и радикальному переустройству правительства на основах не только республиканских, но и социалистических»¹⁴³. Однако «социализм» Пестеля Герцен понимал в духе своей теории «русского социализма», усматривая его в стремлении вождя южан «дать землю крестьянам»¹⁴⁴.

Герцен нарисовал довольно полную и достаточно верную картину декабристского восстания на Сенатской площади и событий на юге страны. Важно отметить, что Герцен не считал восстание декабристов заранее обречённым на неудачу. Он заявлял: «...попытка 14 декабря вовсе не была так безумна, как ее представляют... Она не удалась, — вот все, что можно сказать, но успех не был безусловно невозможен»¹⁴⁵. Заговорщики должны были воспользоваться неустойчивой обстановкой междоусобия, «этой сумятицей отречений, этой тревогой, брошенной в совесть каждого присягающего и неприсягающего, этим междоусобием с двумя императорами...»¹⁴⁶. Герцен восхищался мужеством и упорством декабристов, проявленными ими на Сенатской площади, когда уже ясна стала неудача восстания. Героическая самоотверженность декабристов, пошедших в этих условиях на явную гибель, вызвала восторженную оценку Герцена, приведённую В. И. Лениным в статье «Памяти Герцена»: «Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и рабоплепия»¹⁴⁷.

Но Герцен не ограничивался анализом хода восстания на Сенатской площади. Он стремился установить, была ли возможна победа движения декабристов в целом при учёте особенностей их социально-политических воззрений и тактики военной революции.

Настойчиво размышляя над выяснением причин поражения декабристов для того, чтобы вооружить добытым опытом новое поколение революционных борцов и не допустить повторения ошибок декабристов, Герцен пришёл в итоге к тем выводам, которые он отчётливо сформулировал в своих произведениях 50—60-х годов. Основную и самую глубокую причину поражения декабристов Герцен справедливо увидел в том, что они не опирались на поддержку народных масс. В 1853 г. он писал в обращении к редакции «Польского Демократа»: «Абсолютизм победил, как везде и всегда он побеждал и будет побеждать революционные меньшинства в аристократических меньшинствах»¹⁴⁸, а в 1858 г. в статье «Русский заговор 1825 года» Герцен ещё более отчётливо определил важнейшую причину поражения декабристов: «В день восстания на Исаакиевской площади и в центре второй армии заговорщикам не хватало именно народа»¹⁴⁹.

Поражение декабристов имело тяжчайшие последствия для всей стра-

¹⁴¹ А. И. Герцен. Соч. Т. XXII, стр. 96.

¹⁴² Там же, стр. 98.

¹⁴³ Там же, стр. 99, 98.

¹⁴⁴ Там же, стр. 99.

¹⁴⁵ А. И. Герцен. Соч. Т. IX, стр. 32.

¹⁴⁶ А. И. Герцен. Соч. Т. XXII, стр. 104.

¹⁴⁷ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 9. А. И. Герцен. Соч. Т. XV, стр. 280.

¹⁴⁸ А. И. Герцен. Соч. Т. VII, стр. 231.

¹⁴⁹ А. И. Герцен. Соч. Т. XXII, стр. 108.

ны. «Картечь, эта непреодолимая сила, сделала всякое сопротивление невозможным. В десять часов вечера Николай уже был победителем, и с этого часа началась для России темная эпоха его царствования»¹⁵⁰. Пять виднейших декабристов были повешены, сподвижники и друзья «этих людей, цвет всего, что было образованного, истинно благородного в России,— гневно писал Герцен,— отправились закованные на каторгу в почти необитаемый угол Сибири. Умственная температура в России понизилась... и надолго»¹⁵¹.

Но героический подвиг декабристов, сила их примера и осмысление последователями дворянских революционеров причин поражения восстания имели громадное значение для развития освободительного движения в России. Этой стороне проблемы декабризма Герцен уделил значительное внимание. «Несмотря на роковую косу, разом подрезавшую их,— писал он о декабристах,— их влияние, как Волгу в море, можно далеко проследить в печальной, николаевской России»¹⁵².

Герцен понимал огромное историческое значение первого открытого выступления декабристов против самодержавия и колоссальное нравственное воздействие этого революционного акта на молодое поколение: «Нравственное действие, произведенное днем 14 декабря, было удивительно... До тех пор не верили в возможность политического восстания, идущего с оружием в руках напасть в самом центре Петербурга на гиганта — императорский капризм»¹⁵³. Самый факт поражений декабристов, жестокой расправы над ними и гибели лучших из них усиливал, по мнению Герцена, такое воздействие. «14 декабря,— писал он,— действительно, открыло новую фазу нашему политическому воспитанию... Безмолвие, немая пассивность были нарушены; с высоты своих виселиц эти люди разбудили душу у нового поколения — повязка спала с его глаз»¹⁵⁴.

Герцен понимал причины поражения декабристов, но он решительно выступал против осуждения их: «Теперь, после совершившихся событий,— замечал он,— мы можем сказать, что Пестель заблуждался: друзья его не могли подготовить социальную революцию, народ не мог иметь общего дела с дворянством,— но только великим людям дано ошибаться таким образом, упреждая развитие народных масс»¹⁵⁵. Величайшую заслугу декабристов Герцен видел в том, что они силой своего примера учили молодое поколение революционной борьбе с самодержавием. «Убеждения внушаются теориею,— писал великий русский революционер,— поведение же образуется примером»¹⁵⁶.

Не менее важное значение Герцен придавал тому, что правильное усвоение уроков декабристов молодым поколением революционеров открывало перспективу победоносной борьбы с самодержавием. Ценнейшим уроком декабристского движения в России Герцен считал вывод о необходимости в будущем опираться в революционной борьбе на народные массы. «До тех пор,— писал Герцен в 1862 г.,— пока мы будем принимать народ за глину, а себя за ваятелей, и с нашего прекрасного высока лепить из него статую à l'antique (во вкусе древних)... мы в народе ничего не встретим, кроме упорного безучастия или обидно страдательного повиновения»¹⁵⁷. Важно подчеркнуть, что этот вывод Герцен наиболее отчетливо формулирует в 60-х годах, когда он окончательно убеждается в необходимости и неизбежности народной революции в России.

Отправляясь от уроков декабристского движения, правильно поняв основную причину его поражения, Герцен вооружил и обогатил этим вы-

¹⁵⁰ Там же, стр. 106.

¹⁵¹ Там же, стр. 107.

¹⁵² А. И. Герцен. Соч. Т. XV, стр. 176.

¹⁵³ А. И. Герцен. Соч. Т. XXII, стр. 105.

¹⁵⁴ А. И. Герцен. Соч. Т. VI, стр. 352, 353.

¹⁵⁵ Там же, стр. 352.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ А. И. Герцен. Соч. Т. XV, стр. 180.

водом революционно-демократическое движение, связав тем самым своей революционной деятельностью два этапа освободительного движения в России — дворянский и разночинский.

Герцену не удалось раскрыть глубочайшие экономические и социальные противоречия русской действительности первой четверти XIX в., породившие движение декабристов. Он склонен был даже переоценивать в соответствии со своим идеалистическим пониманием истории «умственное движение» в среде дворянства, которое поставило его «во враждебные отношения с самодержавием»¹⁵⁸. Не был в состоянии Герцен всесторонне и глубоко раскрыть и классовую ограниченность идеологии дворянских революционеров. Как дворянский революционер, Герцен первоначально был склонен к переоценке роли дворянства и в связи с этим не был свободен от идеализации деятельности своих предшественников-декабристов. Но характеристика Герценом тех сторон декабристского движения, которые освещены в его произведениях, составляет выдающуюся заслугу великого русского революционера, его замечательный вклад в развитие революционной исторической мысли в России.

30—40-е годы XIX в. в истории России являлись для Герцена уже современностью. В некоторых событиях этих десятилетий, особенно связанных с общественно-политической и литературной жизнью, он выступал в качестве непосредственного участника.

Однако для Герцена грань между историей и современностью была условной. Сам он в 50—60-х годах рассматривал события двух предшествующих десятилетий уже как относящиеся к области истории и выступал в качестве их историка, например, в своем замечательном произведении «Былое и думы». Условность грани между историей и современностью для Герцена подчёркивается и тем обстоятельством, что прошлое и настоящее в его произведениях выступают в неразрывном единстве. Ему были одинаково чужды как игнорирование истории, так и уход от современности в прошлое. «Мы не бежим от настоящего в прошедшее,— заявлял Герцен,— потому что знаем, что последняя страница истории есть наша современная действительность»¹⁵⁹.

Неразрывное единство истории и современности в воззрениях Герцена ярко выявляется в его понимании противоположности между Россией реакционной — самодержавно-крепостнической — и Россией народной — крестьянской и революционной, являвшейся носительницей национального прогресса. Борьбу между ними Герцен прослеживал в прошлом, характеризуя крестьянские движения под руководством Разина и Пугачёва, революционную деятельность Радищева и декабристов, её он подчёркивал и тогда, когда писал о современности: «В России сверх царя есть народ; сверх люда казенного, притесняющего, есть люди страждущие, несчастные; кроме России Зимнего дворца, есть Русь крепостная, Русь рудников»¹⁶⁰. Это позволяло Герцену определять водораздел между силами реакции и прогресса не только в прошлом, но и в настоящем, помогало ему ориентироваться в общественной борьбе своего времени. Герцен вёл решительную борьбу против поборников теории «официальной народности» — Булгарина, Греча, Погодина, Шевырева, а также против славянофилов, прикрывавших свою реакционность фразами о «народолюбии».

В борьбе с самодержавно-крепостническим строем и его идеологами Герцен выступал верным соратником Белинского, в котором он в 40-х годах справедливо видел самого яркого и последовательного представителя революционной России. «Этот человек,— писал Герцен,— трепетал от не-

¹⁵⁸ А. И. Герцен. Соч. Т. IX, стр. 149.

¹⁵⁹ А. И. Герцен. Соч. Т. VI, стр. 394.

¹⁶⁰ А. И. Герцен. Соч. Т. VIII, стр. 143.

годования и содрогался от бешенства при бесконечном зрелище русского самодержавия»¹⁶¹. Белинский «уже в 25 лет взял на себя роль учителя,— отмечал Герцен,— и был признан, действительно, учителем всей учащейся молодежью в России»¹⁶². «Белинский много сделал для пропаганды. Вся учащаяся молодежь питалась его статьями: он образовал эстетический вкус публики, придал русской мысли силу». Белинский, по словам Герцена, «всегда стоял на страже критики, готовый обличить, заклеить все то, что считал реакционным». Он проповедовал «беспредельную любовь к свободе мысли и такую же сильную ненависть ко всему, что ей препятствовало: к власти, насилию и вере»¹⁶³.

Герцен вместе с Белинским начал борьбу против буржуазных либералов-западников. Когда он в первом своём написанном за границей произведении, «Письма из Avenue Marigny», подверг резкой критике пороки буржуазного строя и вызвал этим острое недовольство Боткина, Анненкова и других «западников», преклонявшихся перед буржуазной «цивилизацией», то его единомышленником и защитником выступил Белинский. Вся последующая борьба Герцена с либералами и беспощадное обличение им буржуазного строя явились исполнением заветов и продолжением традиций Белинского.

В 50-х годах Герцен допускал временные отступления от демократизма, колебания в сторону либерализма. Но, как указывал В. И. Ленин, «демократ все же брал в нем верх»¹⁶⁴. Никогда не отделяя себя от революционной России и являясь одним из наиболее ярких её представителей, Герцен в конечном счёте солидаризировался в своём понимании крупнейших вопросов русской общественной жизни с вождями лагеря революционной демократии — Чернышевским и Добролюбовым. Наблюдая резкое обострение борьбы между крестьянами и помещиками в 50—60-х годах, дошедшее до массовых крестьянских выступлений в 1861 г. и беспощадных расправ над ними царского правительства, Герцен согласился с их оценкой крестьянской реформы как грабительской. Он присоединился к выводу Чернышевского и Добролюбова о необходимости народной революции в России. Герцен вместе с ними боролся против либералов как пособников реакции, мешавших сплочению революционных сил. От имени всей революционной России он заклеил либералов в 1863 г. как соучастников кровавого подавления польского национально-освободительного движения. Он гневно обличал либерала Кавелина, одобрявшего арест и ссылку на каторгу вождя революционной демократии Чернышевского. В. И. Ленин высоко оценил революционную деятельность Герцена, назвав его вместе с Белинским и Чернышевским предшественником русской социал-демократии¹⁶⁵.

Противоположность между Россией реакционной и Россией народной Герцен прослеживал также и в развитии русской культуры. Герцен отделял народную культуру от культуры господствующих классов.

Характеризуя самостоятельность русской национальной культуры, Герцен отмечал, что в России «все, носившее характер чего-то навязанного, антинационального, не пережило своего времени»¹⁶⁶, утверждались же и развивались лишь те культурные ценности, которые имели глубокие национальные корни, порождались требованиями русской общественной жизни. Он с особой силой подчёркивал значение передовой русской литературы как могучего средства распространения освободительных идей. «Литература у народа, не имеющего политической свободы,— писал Гер-

¹⁶¹ А. И. Герцен. Соч. Т. VI, стр. 369.

¹⁶² А. И. Герцен. Соч. Т. XVII, стр. 256.

¹⁶³ А. И. Герцен. Соч. Т. VI, стр. 385—386, 387.

¹⁶⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 12.

¹⁶⁵ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 342.

¹⁶⁶ А. И. Герцен. Соч. Т. IX, стр. 93.

цен, — единственная трибуна, с высоты которой он может заставить услышать крик своего негодования и своей совести»¹⁶⁷.

Этой общественно-политической функцией передовой русской литературы объяснял Герцен её ведущую роль в развитии прогрессивной культуры в России. Он дал ценный обзор развития передовой русской литературы в книге «О развитии революционных идей в России», касался этого вопроса и в других произведениях. Герцен указывал, что все лучшие, наиболее талантливые и передовые русские писатели и поэты или сознательно проводили в своём творчестве революционные идеи борьбы с самодержавно-крепостническим строем и разоблачали реакционную культуру господствующих классов, содействуя тем самым политическому просвещению передовых современников, как это делали Радищев, Рылеев, Пушкин, Грибоедов, Лермонтов и Некрасов, или же объективно связывали своё творчество с защитой интересов народных масс, правдиво раскрывая пороки крепостнического общества.

Герцен внёс ценнейший вклад в развитие революционной исторической мысли в России. Опираясь на традиции Радищева и декабристов, Герцен творчески обосновывал теоретические принципы революционного понимания исторического процесса, а также самостоятельно разрабатывал крупнейшие проблемы всеобщей и в особенности отечественной истории. Уступая в целом Белинскому, Чернышевскому и Добролюбову в демократической последовательности и в теоретической глубине анализа исторических явлений, Герцен занимал принципиально тождественную с ними позицию в освещении истории. Вместе с Белинским, Чернышевским и Добролюбовым он настойчиво раскрывал решающую роль народных масс в истории и многосторонне характеризовал их творческую деятельность. Герцен выступал в качестве пламенного патриота великого русского народа, с любовью освещал его героические подвиги, обеспечившие ему выдающуюся роль в мировой истории; он высоко оценивал замечательные национальные качества русского народа — свободолюбие, патриотизм, энергию в трудовой деятельности, высокую духовную одарённость — и был убеждён в его великом будущем. Понимание Герценом закономерностей исторического процесса и оценки исторических явлений заострялись им против выводов и оценок, сделанных представителями русской и западноевропейской дворянско-буржуазной историографии.

Особенно значительны заслуги Герцена в разработке тех проблем истории России, которые он освещал в вольной русской прессе. Герцен осветил с революционно-демократических позиций политическую историю самодержавно-крепостнической России, уделил значительное внимание оценке антикрепостнической борьбы русского крестьянства. Он раскрыл значение революционной деятельности Радищева, декабристов, разночинцев-демократов, выступив основоположником истории русского освободительного движения. Герцен показал выдающееся общественно-политическое значение передовой русской литературы как трибуны, с которой распространялись освободительные идеи. В разработке всех этих проблем выявилась выдающаяся роль Герцена как деятельного участника в обосновании совместно с Белинским, Чернышевским и Добролюбовым революционно-демократической исторической концепции — высшего достижения в домарксистской историографии.

¹⁶⁷ А. И. Герцен. Соч. Т. VI, стр. 350.